

НАТАЛИЯ ПОЛЯНСКАЯ,
ЕКАТЕРИНА ГЛУБОКОВА

ВЧЕРА И ЗАВТРА

18+

Наталья Полянская
Екатерина Глубокова
Вчера и завтра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69424753

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-043-36340-4

Аннотация

У Дарьи Ларской была идеальная жизнь: любящий супруг, верные подруги, свой собственный обожаемый бизнес – сеть книжных магазинов... Все изменилось в один миг, когда муж Даши, Николай, погиб в автокатастрофе. И только-только Дарья научилась существовать без него, как начинает получать послания «с того света». Кто их отправляет? Зачем? И как это выяснить? Даша решает нанять первого попавшегося детектива, чтобы разобраться в том, что произошло раньше, и понять, что готовит ей будущее.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	53
Глава 7	62
Глава 8	71
Глава 9	82
Глава 10	92
Глава 11	102
Глава 12	112
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Наталия Полянская, Екатерина Глубокова

Вчера и завтра

Посвящается шарпею Хуфу.

Беги по Радуге, мой самый лучший пес.

Глава 1

Яркое солнце, толстые, поросшие серым мхом стволы деревьев, свет дробится, рассыпается мириадами осколков, многократно отражается в каплях росы, серебрится на листьях, заливает расплавленным золотом старый лес. Древние деревья кажутся могучими колоннами, подпирающими небо. Если бы не солнечное утро, лес казался бы мрачным и страшным, но не сегодня. Сегодня это храм, чудесное место покоя и красоты. В таком старом лесу практически нет подлеска, только мягкий ковер листьев пружинит под ногами, ласкает босые ступни и шуршит, шуршит.

Даша на мгновение зажмуривается, привыкая к яркому свету, потом открывает глаза и оглядывается вокруг, зачарованно замирает: такая нереальная красота.

– Ох, как чудесно! – голос угасает, будто поглощенный

шорохом листьев и тишиной.

Даша испуганно оборачивается: кажется, что дивный лес в одно мгновение стал недобрый и настороженно-ожидющим.

– Кто здесь? – нервно выкрикивает Даша, напряженно всматриваясь в чащу.

Тишина. Конечно, здесь нет никого, ведь это просто сон. Просто сон.

Даша выключает будильник, едва только он успевает издать пару звуков. Не стоит портить чудесное летнее утро назойливыми трелями, ведь Ники этого страшно не любит. Она улыбнулась и взглянула на крепко спящего мужа. Николаю звук будильника – что слону дробина: раздражает, но более никакого эффекта. Ники законченная сова, в отличие от нее – абсолютного жаворонка. Забавно и страшно мило. Хотя временами ей даже жалко бедного мужа: тяжело, наверное, жить сове в мире жаворонков. Говорят, что современный мир создан мужчинами и для мужчин. Неправда. Мир создан жаворонками и для жаворонков, вне зависимости от пола. Все человечество вынуждено вставать рано утром и идти на работу, а потом, по завершении трудового дня, рано ложиться спать, дабы завтра снова встать с рассветом. Но ведь это так чудесно – вставать вместе с солнцем!

Даша осторожно выбралась из-под одеяла, подошла к окну, прошмыгнула за плотные портьеры и вышла на лоджию,

установленную многочисленными горшками с цветами. Растения уже проснулись, лепестки цветов раскрылись. Здесь были нежные фиалки, яркие гloxинии, нарядные бегонии и скромные герани, и еще множество всяких цветов, названия которых Даша забыла или даже никогда не знала. За этим великолепием ухаживала Полина Геннадьевна, домработница и просто добрый дух уже для двух поколений их семьи. Полина Геннадьевна заботилась об этом садике с энтузиазмом классической фанатички, запрещала кому бы то ни было прикасаться к растениям, регулярно пересаживала их, размножала, поливала и производила еще множество странных процедур и шаманских действий. Неизвестно, что помогало, но садик рос и преумножался, вызывая зависть у Дашиных подруг.

Здесь, среди цветов, даже не верилось, что эта лоджия находится на двадцать четвертом этаже престижного жилого комплекса в центре Москвы. Сейчас, летом, рамы остекления были раздвинуты, цветы грелись на солнце, в холодное же время года лоджия превращалась в зимний сад. Зимой Даше здесь не нравилось: за стеклами плакало серое небо, цветы жались друг к другу, тянулись к лампам дневного света – это была не жизнь, а выживание. Летом – совсем другое дело.

Свет... Даша замерла, пытаясь поймать ускользающее воспоминание. Сон, конечно, сон. Станный лес, странный свет... Нет, не кошмар, но все равно неприятное сновидение.

Вымученное, будто бы о чем-то предупреждающее. В вещи сны Даша не верила, но и избавиться от странного ощущения не могла. Она улыбнулась и покачала головой: о чем, интересно, может предупреждать ее этот сон? Чтобы она не ходила в лес? Да уж. Вот мама бы точно в подробностях истолковала сновидение, предупредила о множестве грядущих проблем и порекомендовала обязательно и во всем следовать ее, Софьи Станиславовны, советам. Маман уже давно увлекалась всяческой эзотерикой и гороскопами, причем лет двадцать назад, на закате Советской Империи, увлечение пригодилось: Софья Станиславовна развелась с мужем, отцом Даши (с тех пор они его и не видели), и оказалась один на один с финансовыми проблемами. Маман сочинила себе биографию потомственной предсказательницы и принялась толковать сны и составлять гороскопы доверчивым гражданам: открыла прямо в квартире салон.

Даша улыбнулась, вспомнив тот балаган, в который превратилась их квартира и их жизнь тогда, в странные и страшные, безумные постперестроечные годы. Люди потеряли все и искали хоть что-то, хоть кого-то, кто мог им сказать, что все будет хорошо – сказать так, чтобы они действительно поверили. Маман это умела: люди уходили от нее счастливыми, с новыми силами и верой в светлое будущее – и неважно, что это будущее могло оказаться миражом, несбыточной мечтой.

Просто удивительно, как законченная пессимистка Софья Станиславовна может внушать безграничный оптимизм дру-

гим людям. Сама маман считала, что судьба каждого живого существа предопределена раз и навсегда, причем ничего хорошего никого не ждет. Хотя Софья Станиславовна особых пинков от судьбы не получала, жила вполне счастливо, вырастила дочь, выдала ее замуж за приличного человека, сама вторично вышла замуж за бизнесмена из Владивостока, свернула прорицательскую деятельность и укатила на Тихоокеанское побережье, где увлеклась восточными философиями, – предсказывать всяческие неприятности себе, дочери и всем желающим не прекратила. Даша давно уже не обращала внимания на пророчества маман, благо своими глазами видела, с чего все это начиналось. Но звонки из Владивостока с подробнейшими рекомендациями «опасаться брюнетов и сегодня не выходить из дома» выслушивались регулярно: зачем разочаровывать матушку, если можно просто коллекционировать ее высказывания?

Кстати, что-то там маман говорила в прошлый раз про странный сон и страшную ложь... Надо будет ее порадовать, что предсказание сбылось, правда, всего наполовину.

Даша еще раз встряхнула головой, отгоняя абсурдные мысли, и улыбнулась просыпающейся столице: лето, многие уехали в отпуск или перебрались за город, Москва на время опустела, почти исчезли традиционные пробки, мегаполис на пару месяцев взял передышку. Даша была городской жительницей до мозга костей, у них с Ники даже дачи не имелось, а когда они решали, стоит ли переехать жить за город, в

коттеджный поселок, или просто купить большую квартиру – победила квартира. Даша даже не любила уезжать в отпуск на море, или еще куда – лучшим отдыхом она считала пару недель безделья и культпоходов по музеям и выставкам. В этом они с Ники тоже были противоположностями, как и в вопросах сов и жаворонков. Муж проводил отпуск где-нибудь в теплых краях, на море. Подружки иногда удивлялись такому положению вещей, но Даша искренне не понимала, почему кто-то должен жертвовать отдыхом только потому, что у супругов не сходятся взгляды на этот самый отдых.

Вот и сегодняшнее утро было утром последнего рабочего дня перед двумя неделями отпуска. Завтра Ники уезжает на Кипр, а она, пожалуй, съездит в этом году в Питер, полюбуется белыми ночами, погуляет по набережным, посетит музеи.

Что ж, день перед отпуском – всегда тяжелый день. Пора идти будить мужа, иначе он проспит все, что только можно. Даша вернулась в спальню и решительно раздвинула шторы, полумрак исчез, напуганный солнечными лучами. Ники страдальчески застонал и укрылся одеялом с головой. Даша рассмеялась и присела на край кровати рядом с мужем.

– Ники, вставай, нас ждут великие дела!

– О, Дашунь, ну еще минуточку! – взмолился Николай.

– Знаю я твою минуточку, – заявила она и принялась стягивать с мужа одеяло. – Вставай!

Ники вцепился в одеяло и решительно отказывался про-

сыпаться.

– Вставай, Колючий! – настаивала Даша.

– Я не колючий, я небритый, – уточнил муж, открывая один глаз. – И я хочу спать.

– Все хотят, но пора работать.

– Стоило пахать несколько лет, стремиться создать свой бизнес, стать самому себе хозяином – и все равно надо вставать в дикую рань и идти на работу. Я же начальник, никто меня за опоздание не будет ругать.

– Если будешь опаздывать, подашь дурной пример подчиненным, – резонно заметила Даша, окончательно выковыривая мужа из-под одеяла.

– Вероятно. Слушай, может, мне перенести рабочий день всей конторе на после обеда?

– Это мы уже обсуждали. Бесплезно. Ведь клиенты и поставщики все равно работают с утра.

– Этот мир ужасен, – вздохнул Ники и побрел в ванную.

– Маман бы с тобой согласилась, – рассмеялась Даша.

Муж замер, взявшись за ручку двери, подумал секунду и объявил:

– Софья Станиславовна мудрая женщина, – и скрылся в ванной.

– Обычное утро обычной семьи, – проинформировала Даша неизвестно кого, накинула халатик и пошла на кухню: готовить себе одинокий завтрак, ибо муж категорически отказывался принимать пищу с утра, мотивируя это тем, что его

желудок еще спит в такую рань несусветную.

Она выжала сок из пары апельсинов и одного лимона, попробовала, добавила немного сахара и поставила кувшин в холодильник. Тостер выплюнул парочку поджаренных кусков хлеба, Даша положила их остывать, извлекла из холодильника масло и клубничный джем, взглянула на сиротливые тосты, заглянула в морозилку и добавила к будущему завтраку кусочек торта-мороженого. Предосудительно, но так вкусно! Пара килограмм лишнего веса легко исчезнет в тренажерном зале, не лишать же себя всех радостей жизни из-за стремления к мифическому идеалу.

Хлопнула входная дверь, Даша вздохнула и отложила нож – пришла Полина Геннадьевна, а она уж точно не даст ей суетиться на кухне, можно идти одеваться, спорить с грозной домоправительницей бессмысленно.

– Дашенька, ты опять на кухне? – обиженно констатировала домработница. – Ты несправима!

– Ну, Полина Геннадьевна, ну миленькая, мне же совсем не тяжело самой намазать тосты маслом!

– Тяжело или легко – это непринципиально. Это моя работа и я получаю за нее немаленькие деньги.

– О, Полина Геннадьевна, – закатила глаза Даша. – И что из этого следует?

– Из этого следует, что или ты не должна заходить на кухню – или я должна меньше получать. Предпочитаю первое,

ибо у меня внуки. Вот, младшенький велосипед просит... В общем, кыш одеваться.

Даша еще раз сделала страдальческое лицо, но из кухни удалилась. Подобные беседы происходили у них ежеутренне, ритуал такой. Многие друзья удивлялись, как Даша умудряется существовать на одном жизненном пространстве с домоправительницей, ведь это же так сложно! Чужой человек в доме... Даша таких рассуждений не понимала. Почему чужой? Полина Геннадьевна помогала маме по хозяйству еще тогда, когда Даша была маленькой девочкой.

Из ванной комнаты все еще слышался плеск воды – Ники всегда по полчаса проводит под душем. Что ж, придется опять умываться в гостевой ванной.

Даша включила воду и взглянула на себя в зеркало: прическа опять требует парикмахера. В наследство от маман, наполовину финки, ей достались светлые, почти белые волосы, а приснопамятный папочка наградил тугими и непослушными кудряшками. В детстве маленькая Дашенька выглядела ангелочком, потом упорно старалась не выглядеть классической глупой блондинкой, а лет пять назад она махнула на все эти предрассудки рукой и теперь, в тридцать, выглядела живым воплощением анекдотического образа – или прототипом куклы Барби, кому что нравится. Ники все устраивало, на работе она сама себе начальница, а если кто и встречается по одежке – это его проблемы.

Даша включила душ и шагнула под тугие струи. Надо, на-

верное, перенести в эту ванную всякие свои гели для душа и другие пузырьочки-флакончики, все равно она здесь моется, по большей части. Не устраивать же очереди в ванную, если в квартире два санузла?

Когда Даша вышла из ванной, муж уже стоял в дверях, готовый к выходу.

– Ты уже? – удивилась она.

– Да, решил уйти пораньше, надо съездить кое-куда, прокачусь с ветерком, пока не жарко и пробок нет.

– Понятно, – кивнула Даша, поцеловала мужа в щеку и улыбнулась. – Удачного дня.

– Тебе того же, – улыбнулся в ответ Ники и обнял жену. – Все, я пошел.

Даша закрыла за ним дверь и отправилась одеваться.

Как всегда в самый ответственный момент – она пыталась разложить аккуратными складками многослойную юбку – зазвонил телефон.

– Алло?

– Дашуль, привет! – бодро прозвучал голос лучшей подруги с самого детства.

– Привет, Несси.

– Что ты делаешь вечером? – поинтересовалась Инесса.

– Не знаю еще. Завтра Ники в отпуск улетает.

– Помню. Может, посидим перед отпуском? Ты, кстати, что делать станешь, пока Ники не будет?

– В Питер уеду, наверное. Поехали со мной?

– Ну, у меня-то не отпуск, – вздохнула Инесса. – Ладно, так что про вечер? Хоть за вас порадуюсь.

– Приходи, посидим, конечно, – согласилась Даша. – Ники будет рад.

– Ну, тогда до вечера, – попрощалась Инесса и отключилась.

Даша положила трубку на тумбочку, взглянула на юбку, решила, что сойдет и так, и пошла в столовую.

Стол был накрыт по всем правилам сервировки и этикета.

– Полина Геннадьевна, ну зачем все так торжественно?

– Дисциплинирует. Нет ничего более важного, чем правильный настрой с самого начала дня.

– Садись, позавтракай со мной. Не могу я одна сидеть, как в ресторане.

– Хорошо, – второй прибор появился в мгновение ока. – Внуки сегодня так и не дали позавтракать, сорванцы. Каникулы, вот они и отдыхают на всю катушку. Родители мне их подбросили, а сами укатили в отпуск.

– А с кем же они сейчас? – забеспокоилась Даша. – Ведь вы же здесь. Или за пацанами дед присматривает?

– Они все втроем на рыбалку укатили, поэтому и не дали мне позавтракать, я им «тормозок» собирала.

– Понятно. Полина Геннадьевна, – сказала Даша, наливая себе кофе, – вечером Инесса придет, ужин на троих сделай, пожалуйста.

– Хорошо, сделаю, – кивнула домработница. – Завтра отпуск?

– Да, наконец-то. И ты с внуками пообщаешься, не все же тебе за мной ухаживать.

– Ох, эти сорванцы из меня все жилы вытянут!

– Ничего, – рассмеялась Даша. – Ведь тебе это в радость.

Глава 2

Где-то в глубинах квартиры раздался топот. Даша отложила бутерброд и с опаской взглянула на дверь столовой.

– Проснулись, сейчас начнется.

– Федя уже выходил завтракать, – сообщила домохозяйка.

– А Этот?

– Хуф почивать изволили.

– Уже не изволят.

Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату влетел толстый серый кот-британец, преследуемый рыжей страшной собакой. Котьяра вспрыгнул на спинку дивана и улегся в гордой позе египетского сфинкса. «Я здесь уже пять тысяч лет лежу!» – явственно читалось на его обширной наглой морде. Пес затормозил всеми четырьмя лапами, не удержался на скользком ламинате, свалился на бок, вскочил и возмущенно гавкнул. Пару мгновений кот и пес смотрели друг на друга, потом собака фыркнула, отвернулась и подошла к хозяйке, кот остался недвижим.

– Какие, все-таки, страшные эти шарпеи! – кивнула Полина Геннадьевна в сторону пса, наливая еще чаю себе и Даше.

– Разве Этот страшный? – удивилась Дарья, перебирая складки на морде собаки. – Хуф у нас очаровашка! Его никто не боится, и все любят!

– Может быть. А почему ты его все время Этим называешь? У него же имя есть.

– Хуфом его мы тоже называли просто так, потому что он пыхтит все время. По родословной его совсем сложно зовут. А Этот... Прижилось как-то. Когда он маленький был, все время где-то прятался. Мы его искали, спрашивали друг у друга: «Федя тут, а где этот?» Так и повелось. Он не против.

Хуф явно был не против. Шарпей положил хозяйке голову на колени, толстые складчатые щеки умильно расстелились в разные стороны, маленькие глазки бусинками сверкали где-то среди всех этих морщин. Песик сопел и тяжело вздыхал.

– Что, опять не догнал Федю? – спросила Даша Хуфа.

Пес, естественно, промолчал, только вздохнул совсем уж душераздирающе.

– Пойдем, Хуфик, я тебе еды насыплю, – позвала Полина Геннадьевна пса, вставая из-за стола.

При слове «еда» пес несказанно оживился и бодро порысил в сторону кухни. Домоправительница прихватила поднос с грязной посудой и последовала за ним.

– Что, Феденька, опять этот монстр за тобой гонялся? – посочувствовала Даша коту. Кот моргнул и отвернулся к окну.

Даша допила чай и прошла в гостиную, где стоял огромный аквариум Ники. Муж, конечно же, не покормил рыбок, потому что спешил. Мужчины, что с них взять. Простая истина, что мы всегда в ответе за тех, кого приручили, до них

доходит с превеликим трудом. Причем рыбки – не худший вариант. Многие и детей бросают после развода... Как ее папочка, например. Ники, правда, нельзя ни в чем таком заподозрить, а рыбки – это просто рыбки. Забывчивость.

Даша взяла банку с кормом и потрясла над аквариумом, сомики засуетились, вышмыгнули откуда-то из-под искусственных коряг и принялись, забавно раскрывая круглые рты, подхватывать кусочки еды. Говорят, что рыбки помогают успокоиться, но Даша никогда в это не верила. Юркие существа почему-то всегда вызывали у нее жалость: ей казалось, что эти маленькие рыбки должны жить на свободе, а не проводить всю свою жизнь в искусственном мирке. Но Ники нравилось возиться с рыбками, обустроить аквариум, и Даша приняла увлечение мужа, свыклась. Не сопротивлялся же Николай, когда она вслед за котом завела собачку. Семья...

Вскоре после отпуска они отметят седьмую годовщину свадьбы.

– Даша, – заглянула в комнату Полина Геннадьевна. – Мне выйти с Хуфом, или ты сама хочешь?

– Я выйду, прогуляюсь, – улыбнулась Дарья. – Пойдем, Хуф!

Собака резво поскакала к выходу, на ходу подхватила в зубы свисавший с крючка поводок.

– Как мало надо ему для счастья. Есть, гулять, гонять Федьку...

– Людям тоже немного надо, – заметила домоправительница. – Всем просто хочется, чтобы их любили. Желательно беззаветно и просто так.

– Поразительно, какие мудрые выводы можно сделать, просто собираясь с собакой на прогулку! – покачала головой Даша, надевая сабо.

– Жизнь полна смысла, – серьезно ответила Полина Геннадьевна.

– Ах, оставьте, – отмахнулась Дарья, отнимая у Хуфа поводок и прицепляя его к ошейнику пса. – Философия с утра – это слишком.

– Да уж. Сама не понимаю, что на меня нашло? – улыбнулась Полина Геннадьевна, закрывая дверь за хозяйкой.

На улице уже было невыносимо жарко, несмотря на ранний час. Хуф возмущенно запыхтел и мелкими перебежками, от тенька к теньку, порысил в сторону собачьей площадки. Уютный тенистый уголок двора, огороженный высоким забором, был отведен специально для нужд четвероногих жильцов дома. Аккуратно подстриженная травка содержалась в идеальной чистоте, милые деревянные скамейки для хозяев прятались под зонтиками, к услугам собачек были разнообразные барьерчики, норки и бревна. Просто мечта.

Хуф, однако, так не считал. Травка, конечно, его полностью устраивала, как и спортивный инвентарь, не устраивало его только одно: наличие на площадке других собак. Его величество Этот желал гулять в гордом одиночестве. Как

это ни странно, но во всем элитном жилом комплексе не нашлось ни одного достаточно крупного пса, чтобы дать достойный отпор наглому шарпею, так что Хуф быстро стал царем площадки, и все остальные собаки робко жались по углам, когда на прогулку выходил Этот. Вот и сейчас на газончике обнаружилась длинная печальная такса Метакса со своим не менее печальным и длинным хозяином Пашей. Метакса бочком-бочком утащила Пашу куда-то за кустики, Даша с ним даже поздороваться не успела. Хуф удовлетворенно фыркнул и убежал по своим собачьим делишкам. Дарья присела на скамейку и бездумно уставилась в небо.

Как тихо, будто и не в мегаполисе совсем. Выезд из подземного гаража находился с другой стороны дома, поэтому здесь не было слышно звука машин, пели птички, а кустики и деревца казались частью леса. Даша опять вспомнила сегодняшний сон. Нет, кошмаром его назвать нельзя, но все равно осталось гнетущее ощущение. Маман всегда говорит, что надо прислушиваться к себе и верить сигналам тела и подсознания. Чушь, конечно, но Софья Станиславовна часто полагалась на предчувствия и оказывалась права. Даша называла это интуицией и знала, что у нее этого нет. А вот давит что-то и мешает дышать. Интуиция?

– Жара это, Дашенька! – сказала она вслух, чем сильно напугала Пашу и Метаксу.

Мужчина с опаской покосился на нее, тут из кустов выскочил Хуф, и такса сочла за благо ретироваться, увлекая за

собой хозяина.

– Хуф, глупое ты животное, ну зачем ты их всегда пугаешь? Ведь ни разу никого не укусил, а все псы тебя боятся.

Пес с осуждением покосился на хозяйку: ну как можно не понимать простейших вещей? Боятся – и правильно делают, значит, он здесь главный. Роль главного этому китайскому чудищу явно очень нравилась.

– Что, пойдем домой? – Пес послушно подошел и позволил пристегнуть поводок. – Конечно, домой, теперь-то некого пугать, можно и на диван возвращаться.

Дома Хуф опять угалопировал за Федькой, из глубины квартиры послышался истошный мяв и гавканье – видимо, пес загнал котяру в угол и теперь Федору пришлось защищаться, отмахиваясь лапой и грозно урча. Ни одно из животных никогда не навредит другому, все это знали, но игрища иногда происходили устрашающие.

– Это, наверное, вечный двигатель. Осталось придумать, как направить эту энергию на мирные цели, – сообщила Даша домоправительнице.

– Пусть бегают, зачем им пользу приносить, они должны приносить радость.

– Ты права, как всегда. Я пошла, нас ждут великие дела. Вернусь прямо к ужину, раньше не жди.

– Хорошо, не беспокойся, все будет в полном порядке.

– Не сомневаюсь, – кивнула Даша. – До вечера.

– До вечера.

Даша вошла в лифт и нажала на кнопку подземного гаража, двери закрылись, кабина бесшумно пошла вниз. Вот и начинается новый рабочий день. Даша сосредоточилась, прокручивая в голове план дел на сегодня: список был обширный, сказывалась предотпускная лихорадка. Хорошо, все-таки, что она в свое время настояла на том, что будет работать. Ники был против, Инесса искренне не понимала, зачем подруга рвется на службу, но Даша была непреклонна. Ей претило бесцельное ничегонеделание, мысль о том, что придется целый день сидеть дома, читать глупые журналы и ждать мужа с работы, угнетала несказанно. Стоило ли получать хорошее образование – она закончила Юридическую Академию – чтобы потом всю жизнь киснуть на диване? Нет, это совсем не про нее, не про ее жизнь.

Ники, конечно, зарабатывал достаточно, чтобы не думать о деньгах, но и ее, Дашин, доход в последнее время сравнился с мужниным, поэтому она начала мечтать о ребенке. С мужем она этого пока не обсуждала, хотелось хорошо все продумать, да и просто насладиться мечтами, свыкнуться с мыслью о возможном прибавлении в семье. С одной стороны, не хотелось ломать вполне устроенную жизнь, но с другой... Ребенок. Маленькая девочка – или мальчик. Маман придет в восторг. Софья Станиславовна давно уже требовала внука или внучку и искренне не понимала, почему Даша не хочет удовлетворить требования родительницы.

Лифт остановился, двери мягко открылись, Даша испуганно замерла: из гаража в кабину скользнула непроглядная темнота.

– Опять свет погас! – нервно хихикнула Даша.

Несмотря на всю элитность жилья, обычные житейские неприятности случались и здесь, особенно часто гас свет в подземном гараже. Даша все собиралась положить себе в сумочку фонарик для таких случаев, но постоянно забывала об этом. Вот и сейчас она в который раз вспомнила о фонарике, помедлила, набираясь решимости, и шагнула в темноту. Свой зеленый маленький «Опель Корса» – Корсик, как она его называла – Даша могла найти на ощупь и с закрытыми глазами, но блуждать в темноте все равно было неприятно. Прикинув, что машина уже близко, она щелкнула брелком сигнализации, Корсик хрюкнул где-то справа, в паре метров, Даша вытянула руки перед собой и пошла на звук. Вот и машина. Она скользнула в салон, завела Корсика и включила фары. Темнота уплотнилась и спряталась по углам.

– Надеюсь, что приключения на сегодня закончились, – объявила Дарья, выливая из гаража на свет божий.

Глава 3

На парковке за магазином было пусто, Даша опять приехала на работу раньше всех.

– Вот тебе и хозяйка, вот тебе и начальница, – пробормотала она, пытаясь найти в сумочке магнитный ключ от магазина.

Пока Дарья возилась с дверью, на парковку влетел огромный джип и, взвизгнув тормозами, припарковался рядом с маленьким Корсиком. Внедорожник выглядел заслуженным ветераном, краска местами облупилась, местами была покрыта вековой грязью, машина была пробитым глушителем и вообще производила неизгладимое впечатление.

– Привет, Дашка, – выкрикнула выпрыгнувшая из машины женщина.

– Привет, Сашка, – в тон ей ответила Даша, наблюдая, как подруга несколько раз оглушительно хлопает дверью джипа, пытаясь ее закрыть. Раза с пятого ей это удалось.

– Дурацкая одевалка, – процитировала Саша фразу из какой-то давно забытой рекламы неизвестно чего.

– Сменила бы ты машину, – посоветовала Дарья.

– Денег нет, – отмахнулась подруга. – Сонька знаешь сколько жрет.

Соней звали маленькую дочку Александры, девочка еще даже не вылезла из пеленок.

– Можно подумать, что это чудовищное творение японского автопрома жрет меньше, – фыркнула Даша, справившись, наконец, с входной дверью магазина.

– Меньше, ты не поверишь. Выглядит, конечно, страшно-вато, но едет нормально, а на внешний вид мне наплевать.

– Понятно. Пойдем ко мне в кабинет, буду тебе дела передавать.

– Везет тебе, в отпуск уезжаешь, – позавидовала Саша.

– И у тебя все будет, но после меня.

– Ах, оставь, у меня разве отпуск? У меня просто каторга будет, с Сонькой.

– Хм, а пару дней назад кто-то жаловался, что мало общается с дочерью...

Александра тряхнула тугими черными кудряшками и весело рассмеялась, Даша невольно улыбнулась, глядя на подругу. Саша Кроль, полненькая, но невероятно очаровательная, была неисправимой оптимисткой и считала жизнь чудесной и удивительной. Ее муж Алексей был успешным бизнесменом, пока не разорился в кризис девяносто восьмого года. Саша, до этого момента проводившая свои дни в ничегонеделании, не расстроилась, продала помпезный особняк, на вырученные деньги велела мужу начинать новый бизнес, а сама устроилась на работу в Дашин магазин, став единственным кормильцем семьи. От прежней шикарной жизни у Саши осталась куча нарядов от кутюр, огромный джип и обширные знакомства в самых разнообразных кругах. Алексей

в последние два года опять смог построить прибыльный бизнес, но дело пока еще развивалось, поэтому Александра продолжала работать, несмотря на рождение дочки. Впрочем, Даша предполагала, что подруга не сможет теперь просто сидеть дома, воспитывать ребенка и не работать. По собственному опыту она знала, что деловая жизнь затягивает. Саша, начав простой продавщицей, теперь была заместительницей Дарьи.

Да и сама Дарья семь лет назад начинала с маленького книжного магазинчика, прятавшегося в мрачном подвале, теперь же она была владелицей обширной сети детских книжных магазинов «Всезнайка», расположенных в разных местах столицы, а в следующем году планировала расширить дело и открыть торговые точки в Питере и Нижнем Новгороде. Александра, как верный оруженосец, во всем поддерживала свою начальницу.

– Да, с дочерью я общаюсь мало, но тут уж ничего не поделаешь. Через пару лет Лешка опять станет богатеньким Буратино, вот тогда...

– Мечты, мечты! У меня Ники богатенький Буратино – и что? Пашу, как папа Карло.

– Есть мысль, что ты сейчас больше него в семью приносишь.

– Не больше, но сравнимо, только разве в этом дело? Я просто люблю свою работу.

– Эх, я тоже люблю, вот в чем проблема. Придется вкалы-

вать до самой смерти, – вздохнула Саша, усаживаясь за переговорный стол. – Давай, передавай свои дела.

– А что тут передавать? Ты в курсе всего. Пару недель и без меня обойдетесь. Галина Ивановна магазином займется, а ты общим руководством.

– Галина на мое место метит, – как бы невзначай заметила Саша.

– Пусть метит, – отмахнулась Даша. – Карьеризм полезен. Вот откроем магазины в других городах, поставим ее на филиалы.

– Здравая мысль – услатить эту гримзу подальше. А ты, случайно, во Владивостоке магазинчик открыть не планируешь?

– Пока нет, – рассмеялась Даша. – И не надо так злопыхать. Подумаешь, Галина немного нудная, зато работник отличный.

Пока женщины обсуждали деловые вопросы, магазин постепенно оживал, из торгового зала доносились голоса продавщиц – начинался обычный рабочий день.

Дверь кабинета приоткрылась, и в образовавшуюся щель протиснулся худенький белоголовый мальчишка.

– Теть Даш, теть Саш, мама велела передать, что там машина пришла, надо груз принимать.

– Хорошо, Валерик, сейчас иду, – сказала Александра, и мальчонка убежал, забыв закрыть за собой дверь. – Жили бы мы в Америке, нас бы посадили в кутузку за эксплуатацию

детского труда.

Петька, Мишка и Валерка, трое сыновей Ирины Свердловой, одной из продавщиц, разведенной женщины чуть за тридцать, всегда после школы приходили в магазин и проводили здесь все время до вечера. Сейчас, летом, у пацанов были каникулы, и они целыми днями бродили по торговому залу и подсобным помещениям, помогая взрослым в меру сил.

– Зато пацаны читают, – напомнила Саша.

– Что правда, то правда, – согласилась Даша. – Заодно и рекламу нашим магазинам делают.

Мальчишки действительно проглатывали всю поступающую в продажу литературу, вплоть до учебников, благодаря чему учились легко и получали практически одни пятерки – мальчишки-погодки закончили шестой, седьмой и восьмой класс, соответственно.

– Да и на глазах все время, Ирине с ними и так тяжело, а так хоть не волнуется за них, – покачала головой Саша. – Что за мужики гадкие пошли, бросить троих детей – это выше моего понимания. Развестись – это понято, но пацанов оставить без отца и без денег – это абсурд какой-то. И ведь вполне обеспеченный мужик, этот бывший Иркин муж...

– Чужая душа – потемки, – вздохнула Даша.

– Что-то я сомневаюсь в наличии души у этого папаши, – отрезала Александра. – Ладно, пойдем груз принимать.

– Ты иди, а я пока проверю почту, должны отписаться из

одного издательства.

Саша кивнула и вышла из кабинета, Даша включила компьютер и запустила почтовую программу. В почтовый ящик, как всегда свалилась пачка «спама», рекламных писем непонятного смысла и назначения. Сегодня, например, предлагали увеличить пенис и приобрести «Ладу» по цене завода. Если про пенис еще как-то можно понять, несмотря на то, что ее лично эта проблема уж никак не беспокоила, но вот про «Ладу»... Как это: машина по цене завода? Как обычная русская машина может стоять, как целый завод? Из золота ее, что ли, сделали? Специальная ограниченная партия золотых «Вазов» с алмазными инкрустациями? Маразм.

Уже после обеда позвонил Ники.

– Дашунь, я сегодня немного задержусь, завис тут в области.

– Инесса собиралась на ужин к нам приехать, – сообщила Даша.

– Я постараюсь недолго, но вы без меня начинайте, не ждите.

– Хорошо, но ты постарайся.

– Постараюсь. Люблю, целую.

– Тоже. – В трубке уже звучали короткие гудки.

Даша вздохнула, хотелось бы в этот предотпускной вечер побыть с мужем, ведь потом целые две недели они проведут порознь, но тут уже ничего не поделаешь.

– Дашик, – в кабинет заглянула Саша. – Иди встань на кассу, ты уже обедала, а Люба с Ирой только сейчас пойдут.

– А Галина?

– Она в магазин в Марьино уехала, у них там что-то с накладными не сходится.

– Понятно, – протянула Даша. – Ладно, начальство работает, пока все обедают. Миленко.

– Я тоже иду на кассу, там наплыв народа какой-то, – утешила ее Александра.

– Это же замечательно, что наплыв!

Обычно лето было порой некоторого затишья, только в конце августа начинался ажиотажный спрос на учебники, так что атака покупателей среди обычного июльского дня обещала неожиданную, но очень приятную прибыль.

В торговом зале было действительно полно народа, причем толпились все около одного стеллажа. Даша встала на кассу и удивленно покосилась на длинную, змеящуюся очередь:

– Саш, а какие книги ты сегодня принимала?

– Да я и не посмотрела... Подписала накладные – и все.

– Весь этот народ скупает именно сегодняшнее поступление.

Толпа на секундочку расступилась, и Даша увидела, что за книга сделает им сегодня солидную прибыль: «Гарри Поттер и Дары смерти», на английском языке.

– Откуда была сегодняшняя машина? – спросила Даша за-

местительницу, споро пробивая чек за последний том приключений юного волшебника.

– С таможни, – ответила Саша.

– Господи, и ты не поняла, что это за книги? Ведь именно ты занималась рекламой!

– Ну, могу я что-нибудь забыть? – вздохнула Саша.

– Что угодно, только не это. Это же событие лета! И на этих книгах мы сделаем состояние! Когда еще русский перевод выйдет!

Вернулись продавщицы, и Дарья с Сашей с облегчением уступили им место за кассовыми аппаратами. У входа в магазин начала образовываться очередь, охранник Сергей стал впускать покупателей внутрь мелкими партиями, в торговом зале и так уже было не протолкнуться. Саша осторожно прикрыла дверь в подсобные помещения.

– И откуда только столько полиглотов взялось? Что, все эти детки в совершенстве владеют английским?

– Если не они сами, так их родители. Сейчас это уже не редкость, все становятся космополитами и гражданами мира.

– Я, кстати, не ожидала, что закупка книг на английском принесет хоть какую-нибудь прибыль, – вздохнула Саша. – Плохой из меня книготорговец.

– Ой, только не надо посыпать голову пеплом! – рассмеялась Даша. – Рекламной кампанией ты занималась – вот и результат. Отличный день перед отпуском получился. При-

быль сделаем, все остальное лето переплюнем.

– Премию выпишешь? – тут же ухватилась за идею Саша.

– Выпишу, куда я денусь. Вот вернусь из Питера – и выпишу. Всем и побольше. Заслужили.

Наплыв покупателей так и не спал до вечера, даже пришлось на полчаса задержать закрытие магазина, чтобы успеть обслужить всех, поэтому к ужину Даша немного опаздывала. Инесса, естественно, придет вовремя, она никогда не задерживается, а вот Дарья иногда этим грешит. Ну что ж, сейчас опоздание вызвано вполне приятной причиной, так что Инесса простит. Свет в гараже уже появился, так что Даша отлично разглядела запаркованный на гостевом месте «Фольксваген Пассат», принадлежащий Несси.

Наличие света в гараже компенсировалось его отсутствием в лифте.

– Закон сохранения энергии в действии, – пробормотала Даша, пока темный лифт возносил ее на нужный этаж.

Голос прозвучал глухо, нервно и будто бы издали.

Глава 4

Из кухни доносились одуряюще вкусные запахи, а в гостиной грохотала музыка. Несси обожала тяжелый рок и всегда слушала свои любимые группы на максимальной громкости. Даша заглянула в комнату и постаралась перекричать музыку:

– Привет, Несси!

Подруга выключила музыкальный центр и шагнула навстречу Даше, раскинув руки:

– Дашка! Ну, с отпуском тебя! – подружки обнялись, Несси чмокнула Дарью в щеку.

– Спасибо! Сегодня был такой удачный день, прости, что задержалась.

– Ничего, я не успела соскучиться. Только вот вся на слюну изошла, как вкусно пахнет.

– Я схожу, переоденусь...

– Иди.

Даша заглянула на кухню:

– Добрый вечер, Полина Геннадьевна! Собака уже гуляла?

Хуф и домоправительница сосредоточенно разглядывали что-то жарящееся в духовке. Пес плотоядно гипнотизировал это что-то и тайно надеялся, что это готовится для него. Бедное животное опять постигнет разочарование.

– Добрый вечер, Дашенька! – отвлеклась от духовки По-

лина Геннадьевна. – Минут пятнадцать осталось до ужина. Хуфика я погуляла, животное не обязано терпеть, пока хозяева соизволят вернуться с работы, у песика режим.

– Не спеши с ужином, не умрем мы с голода, – отмахнулась Даша и пошла к себе переодеваться.

В гостиной опять грохотала музыка, Дарья мельком заглянула в комнату и увидела, что Инесса удобно устроилась на диване и, закрыв глаза, вслушивается в эту свою невыносимую какофонию. Даша покачала головой, удивляясь в который раз тому, что держит их с Несси рядом, ведь они такие разные. В детстве они играли в одной песочнице, потом учились в одном классе и, наконец, закончили один юридический. Правда потом Инесса принялась строить карьеру по специальности, а Даша вышла замуж, но связи они не потеряли и продолжали близко общаться. Несси так и не вышла замуж, но добилась успехов на профессиональном поприще, став начальницей юридического отдела в достаточно крупной финансовой структуре. Внешне подруги были вообще полной противоположностью: классическая блондинка Даша и роковая брюнетка Инесса. Как негатив и позитив, во всем: и во внешности, и по характеру. Несси была напористой, вредной и въедливой, Дарья предпочитала дипломатию, сотрудничество и улыбку. Дашу иногда раздражала Инессина резкость и властность, но она ценила подругу за надежность и умение поддержать в сложной ситуации.

Дарья достала из шкафа домашний костюм и с удоволь-

ствием избавилась от надоевшей за день юбки и блузки. Мысли опять вернулись к Инессе. Было еще кое-что, за что она должна быть благодарна подруге. За Ники. После института Несси устроилась работать именно в его контору. Николай владел банком, обслуживал предпринимателей и организации, занимался юридическим сопровождением финансовых операций, не связываясь с частными клиентами – физическими лицами, как это называлось на официальном арго. Инесса сразу заметила молодого и привлекательного хозяина, но тут случилось непредвиденное: она привела с собой на корпоративный Новый год Дашу – и с мечтами о богатеньком Ларском пришлось расстаться, Ники мгновенно и бесповоротно запал на Дарью.

Даше казалось, что Несси совсем не расстроилась, да и подруга уверила ее, что ничего страшного не произошло, и что сердцу не прикажешь. Инесса была подружкой невесты на свадьбе и искренне радовалась за Дарью. Что ж, так сложилась судьба, да и вряд ли Ники и Несси были бы счастливы вместе.

Даша взглянула на часы: что-то муж и вправду задерживается. Может, позвонить ему на мобильник?

– Дашка! Ты где там? Пора ужинать! – Инесса заглянула в комнату и осуждающе покачала головой. – Опять вся в мечтах? Кушать же хочется!

– Иду-иду! – спохватилась Даша.

В столовой уже все было накрыто к ужину, под серебря-

ными крышками томилось что-то вкусное, домоправительница раскладывала приборы для троих.

– Ники предупредил, что задерживается, – сообщила Даша Инессе.

– Ну, ждать не будем, начнем без него, – кивнула подруга.

– Он так и просил.

– Дашенька, если я тебе завтра не нужна, то я бы хотела взять выходной, внуков в зоопарк сводить, – отвлеклась от сервировки Полина Геннадьевна.

– Хорошо, как хочешь, – улыбнулась Даша. – Я завтра вечером в Питер уеду, так что мой домашний зоопарк на тебя останется, некогда будет выходными наслаждаться. Да и вообще, я сама сегодня после ужина приберусь, иди домой, к внукам.

Полина Геннадьевна посопротивлялась для виду, потом все же согласилась, и, прежде чем уйти, оставила кучу инструкций по поводу ужина. Наконец, подруги сели за стол.

– Нет, все же хорошо, что я полуфабрикатами питаюсь, – вздохнула Инесса. – Никаких домогчительниц, никаких сложностей с ужином...

Даша заглянула под крышку самого большого блюда и чуть не застонала от восторга: запеченная буженина с овощами и чесночным соусом. Что-что, а поесть Дарья всегда любила, причем вкусно поесть.

– Такого ты точно из полуфабрикатов не пригостишь. Впрочем, и из мяса тоже, для этого надо быть домогчитель-

ницей.

– Согласна, – кивнула Инесса и вооружилась ножом. – Сейчас мы эту прелесть разделаем...

На запах прибежал Хуф и уселся у ног Несси, и все время, пока та резала мясо, пес заглядывал ей в глаза и постанывал.

– Дашка, убери воспитомца, он весь ковер слюнями залил, – хихикнула Инесса, толкая собаку ногой. Пес не сдвинулся даже на миллиметр.

– Хуф, мальчик, иди я тебе вкусняшку дам, – позвала Дарья собаку и пошла с псом на кухню, где в шкафу хранились полезные сушеные косточки из жил. Хуф презрительно фыркнул, но косточку взял, устроился на своем коврикe и захрустел.

Даша вернулась в столовую, Инесса уже разложила мясо по тарелкам и выбирала себе салатик. Полина Геннадьевна постаралась и приготовила целых три: греческий, языковый и английский.

– Все, теперь пес занят надолго, – сказала Дарья, тоже обратив внимание на салаты.

– Слава Богу, – вздохнула Инесса. – Он так все время на меня смотрит, будто съесть хочет.

– Ты шутишь? – удивилась Даша. – Он людей не ест.

– Нисколечко. Такой кабанчик вырос, не то что в рекламе показывают. Там такие лапочки, а у тебя прямо монстр какой-то.

Дарья рассмеялась:

– Всеобщее заблуждение, все вокруг жертвы рекламы. В тех роликах показывают двух-трехмесячных щенков, а не взрослых шарпеев.

– Вот и вводят народ в заблуждение, – кивнула Инесса. – И теперь это заблуждение плотоядно на меня смотрит.

– Ты просто собак не любишь, – отмахнулась Даша.

– Ну, может быть, – согласилась подруга. – Я и кошек не люблю. Рыбок вот люблю, но все никак не соберусь завести аквариум.

– Вот теперь я знаю, что мы с Ники подарим тебе на следующий день рождения, – улыбнулась Даша. – Он большой дока в аквариумах.

– Подарите, – легко согласилась Инесса. – Где, кстати, муженек-то твой?

Даша взглянула на часы: странно, уже почти десять часов. Что-то уж очень сильно Ники задерживается.

– Обещал не очень опаздывать, – пожалала она плечами. – Пробки, наверное. Он за город куда-то поехал.

– Понятно, – ответила Инесса. – Вино вот теперь некому открыть.

– Ой, какие глупости! Сейчас я сама открою. – Даша взяла бутылку красного чилийского вина и пошла на кухню.

Хуф все еще грыз кость и, видимо, собирался посвятить этому занятию весь оставшийся вечер.

– Вот глупое животное, – усмехнулась Даша, разыскивая штопор. – Ага, вот он.

Пробка легко вышла из горлышка бутылки, и Дарья отложила ее в сторону. Аромат у вина чудесный, просто слов нет. Даша предпочитала чилийские и аргентинские вина винам Старого Света и не понимала восторгов по поводу французских вин. Французские виноделы очень зависят от капризов природы, вино различных годов может быть настолько разным – от великолепного до отвратительного, – что никогда не знаешь, на что натолкнешься. Да и цены просто задранны до небес. Южноамериканские вина всегда одного и того же класса и качества, чилийские виноградники защищены от капризов погоды, поэтому любая бутылка любого года всегда содержит чудесное вино, нет никакой лотереи, как в случае с французскими винами, и цены на порядок ниже. Лотерей и азартных игр Даша не любила, поэтому предпочитала придерживаться проверенного качества. Пусть снобы разбираются в том, какой год для вина лучше, она же хочет просто быть уверена в том, что в бутылке.

Дарья взглянула на увлеченно хрустящего костью Хуфа, подхватила вино и уже собиралась выйти из кухни, как зазвонил телефон. Она сняла трубку и прижала ее плечом к уху:

– Алло?

– Дарья Владимировна Ларская? – спросил усталый мужской голос.

– Да, это я, – ответила Даша, удивившись официальному тону собеседника.

– Меня зовут лейтенант Каримов. У меня для вас плохие новости.

– Милиция? Плохие новости? – заволновалась Даша. – Магазин ограбили? Какой?

– Какой магазин? Простите, я не понимаю. – Лейтенант помедлил, будто бы собираясь с мыслями. – Николай Семенович Ларский – ваш муж?

– Да, – ответила Даша, почувствовав, как липкая дурнота заполняет сознание. – Что случилось?

– Ваш муж владеет и управляет «бмв» пятой модели с государственным номером ка двести тридцать два у-е? – спросил лейтенант.

– Да, это его машина.

– Он сам водит ее? Или у него есть шофер?

– Нет, он сам за рулем! – выкрикнула Даша. – В чем дело?

– Машина вашего мужа разбилась на семнадцатом километре Новорижского шоссе, – глухо прозвучал голос Каримова.

– Господи, что с ним, что с моим мужем?

– Ваш муж ехал со значительным превышением скорости, видимо, не справился с управлением, и автомобиль занесло, он ударился об отбойник, сломал ограждение и вылетел в кювет, где несколько раз перевернулся и почти сразу загорелся, – монотонно и без эмоций сообщил лейтенант.

– Что с Ники?! – закричала Даша в трубку.

– Водитель скончался до прибытия спасателей, – Дарья

слышала каждое слово, но не могла понять, о чем говорит лейтенант.

– Водитель? Водитель?! За рулем был мой муж?!

– Это предстоит установить. Машина горела.

– Горела... Господи! – Даша услышала резкий звук и увидела, что бутылка вина медленно, как в кино, разлетается красными брызгами от удара об кафельный пол. – Но это его машина, он только сам на ней ездит!

– Сочувствую, вероятно, погиб именно ваш муж, – прошелестел голос в трубке. – Нам необходимо, чтобы кто-то опознал тело.

– Т-тело? – Даша смотрела, как растекается красная винная лужа, и не могла понять, о чем это он говорит. – Какое тело?

– У Николая Ларского есть еще родственники в Москве? – обреченно вздохнул лейтенант Каримов.

– Нет.

– Тогда без вас нам не обойтись. Сообщите адрес, и завтра я пришлю за вами машину.

– Завтра?! – выкрикнула Даша в трубку. – Завтра? Вы хотите, чтобы я до завтра думала, погиб мой муж или нет?

– Простите, я не подумал. Я пришлю машину сейчас.

– Не надо, скажите, куда подъехать!

– Хорошо, записывайте...

Даша положила трубку и оглядела кухню: на полу лужа, Хуф сбежал куда-то, в дверях стоит Инесса.

– Дашик, что случилось?

– Случилось? Да... Я не знаю. Нет... Звонили из милиции, машина Ники разбилась. Надо опознать водителя.

– Водителя? Но он же сам водит.

– Я знаю, – поежилась Даша.

– Господи.

– Это не Ники, это точно не Ники, – прошептала Даша.

Эти слова она повторяла как мантру все время, пока такси везло их с Инессой по адресу, названному лейтенантом Каримовым.

Глава 5

Даше раньше казалось, что если и случится с нею такой ужас (а иногда думалось об этом, невольно и страшно, и она спешила как можно скорее отогнать черные мысли), то боль будет такой, что Даша днями и ночами станет кричать и плакать. Она ошиблась. Потеря оказалась настолько громадной, что слез и крика просто не было: им неоткуда было взяться в пустоте.

На Дарью странно смотрели, когда она сухими глазами рассматривала глянцевые, только что отпечатанные оперативные снимки с места аварии. В морг ее не повели, пожалели; туда пошла Инесса и вернулась, судорожно всхлипывая. Даша все это время просидела на неудобном пластмассовом стуле, аккуратно сложив руки на коленях и глядя, как по настенному календарю с изображением крутобокого парусника ползает сонная муха. Но все это – муха, парусник, рыдающая Несси – было бессмысленным, как представление в странном кукольном театре, где за ниточки кукол дергают не люди, а машины.

Даша автоматически отвечала на вопросы молодого и почему-то очень волнующегося милиционера; он постоянно переключал ручки и карандаши на столе, а она следила за этим без интереса, но очень внимательно. Казалось, что если положить карандаш не справа, а слева, можно будет что-

то изменить... Нет, Ники ни разу не садился за руль в пьяном виде, он и скорость-то редко превышал. Ему всего пару раз выписывали штрафную квитанцию, и он всегда пристегивался. Нет, она не знает, куда он ехал, он не всегда ставил ее в известность о подробностях своего бизнеса. Если нужно, то она продиктует телефон его заместителя, тот наверняка сможет подробнее ответить на вопросы.

Ники было просто имя. Она не могла думать о Ники. Она сделала его фигуркой, вырезанной из черного бархата, и теперь говорила об этой фигурке, иначе... Что иначе – Даша не знала, но была уверена, что поступает правильно.

Вопросов оказалось неожиданно много для обычной аварии, но Даше некогда было задумываться об этом, она наблюдала за карандашами. Наверное, вопросов было бы еще больше, но тут Инесса не выдержала и закричала, что сколько же их можно тут держать, и что они разве не видят, госпоже Ларской плохо... Даша не считала, что ей плохо. Плохо – это когда тебе очень паршиво, ты бегаешь кругами по потолку или бессильно плачешь в подушку, бьешься головой об стенку и судорожно ищешь выход из создавшегося положения. Плохо – это действовать или бездействовать, это значит иметь выбор. У нее выбора не существовало, и ей было никак. Пусто.

После крика Инессы их поспешно отпустили, и Несси вывела подругу на ослепительную неоновую улицу. Мимо бежали автомобили, и Даша отшатнулась. Она что-то ответи-

ла на вопрос Инессы, кажется, согласилась ехать домой. Подруга махнула рукой, ловя такси: вести машину сейчас и она была неспособна.

– Дашенька, сейчас мы приедем домой, выпьешь таблетки, ляжешь спать. Это надо пережить. Держись. Держись... – Инесса говорила еще что-то, говорила и говорила, но ее слова были лишены смысла.

Даша где-то читала, что после больших нервных потрясений люди проваливаются в сон, с кошмарами или без, но надолго. Не выдерживает организм, нужна реабилитация. И с некоторым удивлением – если можно было назвать удивлением это неоперившееся чувство, на фоне полной атрофии каких бы то ни было чувств, – Дарья обнаружила, что и здесь она является исключением. Спать не хотелось. Плакать тоже. Вообще ничего не хотелось, даже умереть. И она сидела на стуле в кухне, слегка раскачиваясь, как китайский болванчик. Инесса пыталась ее тормозить, но результаты были мизерными.

– Дашка, немедленно выпей таблетки! Немедленно! И спать ложись, так тебе будет лучше.

«Что такое лучше? – думала Даша, глядя на подсохшую уже винную кляксу с хрусталиками осколков. – Какие таблетки? Эта женщина, моя подруга, Инесса, – о чем она говорит?»

За окнами жила обычная московская ночь. В городе было и будет все как всегда: люди будут работать, тусоваться

в ночных клубах, ходить по магазинам, выгуливать детей и собак. Мир не рухнул, жизнь за окном не изменилась, она даже не подернулась траурной пеленой. Просто они теперь существовали отдельно – законная жизнь и Даша. Она сама по себе, жизнь – сама по себе. Люди, предметы, слова. Стул, на котором она сидела, был чужим. Инесса казалась незнакомкой, и зачем ее слушаться – тоже непонятно. Полины Геннадьевны не было, ах да, домработница взяла выходной на завтра и уже ушла. Выходной – это теперь тоже понятие чужое, отдельное от Даши. Даже одежда была какая-то не своя. Даше захотелось сбросить ее; она начала медленно стаскивать кофточку.

– Вот и ладно, молодец, давай снимай это – и спать. Прими таблетку, ну, пожалуйста, или ты так уснешь?

«Инесса тоже не плачет», – отстраненно отметила Даша. Видимо, подруга чувствовала ответственность за нее и усилием воли прекратила рыдания. Несси всегда была сильнее, хищнее. Она говорила, что Дарья – фарфоровая ваза, а она, Инесса, – ваза из очень толстого стекла, которую и об пол с трудом разбить можно. В глубине души Даша была не согласна с подругой, ей не очень нравилось Инессино перетягивание одеяла на себя и позиция «Я тут самая сильная», но у всех есть свои маленькие недостатки. И все это теперь неважно, неважно...

Она сняла кофточку и встала. Голова должна бы кружиться – а не кружится, перед глазами все должно плыть – а пред-

меты четкие-четкие. Все не как у людей. Или это всегда так? В романах врут. Врут. Врут...

Врут о том, что всегда всё заканчивается хорошо, и все живут долго и счастливо.

Они вместе с Ники... Он улыбается ей, она смеется, он листает газету, смешно выглядывая на нее поверх очков для чтения. Сколько таких моментов, которых уже не будет никогда.

Колючий. Настоящий, живой, теплый, который так любит спать до двенадцати. Его нет. Его просто нет.

Ники.

Имя вспыхнуло ослепительной черной звездой, и свет наконец-то благословенно померк.

Никаких снов ей не снилось, кошмары, видимо, решили, что с нее и реальности достаточно. Реальность вернулась мгновенным воспоминанием. Ники!

Даша вздрогнула и закусила угол подушки.

В спальне было почти темно, пробивался сквозь неплотно закрытые занавески сумеречный свет. Рядом кто-то шумно сопел; Даше даже оборачиваться не надо было, чтобы понять, что это Хуф. Любимый шарпей пришел и улегся рядом. Который час? Утро? Вечер? И должно ли это ее интересовать?

Инесса была права: после сна что-то изменилось, но нельзя понять, в лучшую или в худшую сторону. Прежней зако-

стенелости не было, возвратилось понимание происходящего вокруг, полное безразличие куда-то утратилось... И все же, Даша предпочла бы, чтобы оно вернулось. Сейчас было очень больно, внутри что-то тянуло, и от этого хотелось выть.

А еще очень хотелось в туалет.

«Пусть, – подумала Даша. – Умереть от разрыва мочевого пузыря – и все. Какая разница, от чего умирать. Не всем погибать красиво».

И все же она заставила себя встать. Вот теперь голова кружилась, к горлу подкатила тошнота. Даша открыла дверь спальни, держась за стенку, прошла по темному коридору и захлопнула за собой дверь в туалет. Унитаз был ослепителен. Дарья села на пол, обняла белого друга и... наконец-то заплакалась.

Слезы бежали ручьем, и теперь было плохо, плохо, и еще хуже было все от того же отсутствия выбора, от бессилия что-либо изменить. Больше всего на свете Даша ненавидела это ощущение бессилия: от тебя не зависит ровным счетом ничего, все уже случилось, и тебя не спросили. Ну кому, кому понадобилось забирать жизнь Ники? Кому он помешал? Зачем – эта слепая случайность, эта смерть в огне? За что это и ему, и ей?

В дверь забарабанили.

– Эй, Дашка! С тобой все в порядке?

Идиотский вопрос. Впрочем, Несси никогда не отличалась точностью формулировок. Ясно же, что в порядке боль-

ше не будет никогда.

– Дашка, открой, я волнуюсь! Иначе дверь вышибу, ты меня знаешь!

Она знала: Несси способна стенку по кирпичику разобрать, но добраться до цели. Даша протянула руку и отперла дверь, Инесса ворвалась внутрь, и женщины зарыдали уже вместе.

– Ну почему? Почему? – всхлипывала Даша, и горе от этих слов делалось еще больше и сокрушительнее.

Спустя полчаса Инессе удалось уговорить ее выйти из санузла. Подруга усадила Дашу в кресло в гостиной, укутала пледом и всунула ей в руки здоровенную чашку с зеленым чаем. Дарья прихлебывала горячий напиток, не соображая, что пьет и зачем.

– Почему? Почему? – повторяла она, как заведенная.

Инесса говорила много успокаивающих слов. Инесса вообще много говорила, видимо, она считала, что так Даше будет легче, но назойливый зуд мешал. Снова захотелось в туалет, Дарья встала и побрела в санузел. Захлопнувшаяся дверь отрезала жужжание Несси, и в голове снова стало пусто и ярко.

Даша не знала, что теперь делать. Не понимала. И смысл совершения каких-то действий тоже от нее ускользал. Хотелось плакать бесконечно, но слез уже просто не было, в груди что-то сжималось и мешало дышать.

Вернувшись в гостиную, она уже не плакала. Выплакать

боль нельзя, она это выяснила. Казалось бы, не так и долго они с Несси прорыдали, однако понимание было: нельзя. Кричать, плакать, биться головой об стенку, колотить посуду. Это ни к чему не приведет, Ники не вернешь.

– Да, да. И немедленно, – быстро говорила Инесса в телефонную трубку, когда Дарья появилась на пороге. Увидев подругу, Несси поспешно распрощалась с невидимым собеседником и виновато улыбнулась. – Вот работа собачья, даже по ночам не оставляют, пришлось перезванивать.

Даша безразлично кивнула.

– Может быть, следует позвонить Софье Станиславовне? Она вроде сегодня во Владивосток вернуться должна была? – осторожно предложила Инесса. – Она первым рейсом приедет.

– Да. Наверное. – Слова давались Даше с трудом. Несси внимательно посмотрела на нее, покачала головой и снова взялась за телефон. Наманикюренный пальчик потыкал в кнопки.

– Алло, Софья Станиславовна? Это Инесса. Да-да, я знаю, какой сейчас час. Но у Даши беда... у нас беда. Коля погиб. Да, вчера, в автокатастрофе... Да. Да.

Спокойный, в чем-то деловой тон Инессы снова подкосил Дарью. Она добрела до спальни, упала на кровать. Хуф, настороженно пыхтя, устроился рядом на коврике. Пес вряд ли понимал, что происходит, но ходил за хозяйкой, как привязанный. Осторожно и мягко вспрыгнул на кровать Федя; Да-

ша обняла его и уткнулась носом в шерсть, вымытую коша-
чьим шампунем. Инесса не пришла: то ли не хотела беспо-
койть, то ли по-прежнему разговаривала с маман. Так было
даже лучше. Ники исчез, и Даша осталась одна... Вернее, ее
почти не осталось.

На этот раз лес был мрачным: никаких солнечных лу-
чей, сверху сыпется серая морось, и деревья еле видны во
мгле. Даша бредет по игольчатому ковру, спотыкаясь о кор-
ни и чувствуя боль, боль, боль... ничего, кроме боли, она
не чувствует. Сегодня она знает, кого ищет в этом лесу: Ни-
ки. Правда, очень страшно, а в серости таится что-то недоб-
рое. И чтобы не бояться, Даша начинает вспоминать о Ники,
какой он хороший, как он ее любит. Вспоминает маленькие
происшествия, которые есть у любой пары, и о которых па-
ра никому и никогда не рассказывает; мелочи, из которых
складывается повседневная жизнь, и которые мы по большей
части не замечаем и не ценим, пока не теряем навсегда. Но
она ведь не потеряла Ники насовсем, он есть в этом лесу,
Даша знает! Его присутствие ощущается слабо, но отчетли-
во. Нужно проявить немного упорства, терпения, и она его
обязательно найдет.

– Ники! – кричит она, но голос вязнет во мгле. – Ни-ки!

Тишина. Деревья недобро смотрят на нее, кажется, что
они даже придвигаются к ней все ближе и ближе.

– Ники!

С этим криком Даша просыпается.

Глава 6

Утро было несправедливо яркое, сочное. Узкие лучи света, пробивавшиеся от зашторенного окна, протыкали сумрак спальни, как шпаги. За неплотно прикрытой дверью комнаты тихо и печально пел Васильев.

*Мы чересчур увеличили дозу,
Вспомнили все, что хотели забыть,
Или на рельсы легли слишком поздно...
Бог устал нас любить.*

Даша приподнялась на кровати: Хуфа не было, зато Федя дрых рядом и даже не пошевелился, когда хозяйка села. Ноги привычно пытались нащупать тапочки, хотя смысл этого действия в перевернувшемся вверх тормашками мире перестал существовать.

*Вот она, гильза от пули навьлет,
Карта, которую нечем покрыть.
Мы остаемся одни в этом мире...
Бог устал нас любить.*

Васильев прав. Карту было крыть нечем. Даша ощущала пустоту, оставшуюся от Ники. Пусть что угодно говорят про загробную жизнь, пусть мамочка сколько влезет вешает лап-

шу на уши своим клиентам, ищущим предсказанного счастья, Дарья чувствовала, что никакого загробного мира нет. Если бы он был, Ники сумел бы дать ей понять это. А так – было очень холодно, и никакие потусторонние голоса не звучали. Даша обхватила себя руками, так и не нашарив тапочки.

*Я рассказал бы тебе все, что знаю,
Только об этом нельзя говорить.
Выпавший снег никогда не растает...
Бог устал нас любить,
Бог устал нас любить,
Бог просто устал нас любить,
Бог просто устал...*

Кроме песни, из гостиной не доносилось ни звука. Даша встала и побрела прочь из спальни; Федя так и не проснулся.

Инесса сидела в кресле и читала книгу. Подруга не сразу заметила Дарью, замершую в дверях, и продолжала наслаждаться чтением. Именно наслаждаться: об этом говорили приподнятые уголки губ, так Инесса иногда улыбалась, если ей что-то действительно нравилось. Никакого горя по поводу потери близкого друга и начальника не чувствовалось. Даша в очередной раз вяло удивилась выдержке подруги: железная леди, да и только.

Песня закончилась, и началась следующая.

*Никому не доверяй наших самых страшных тайн,
Никому не говори, как мы умрем.
В этой книге между строк спрятан настоящий Бог,
Он смеется, он любит тебя...*

Даша любила «Сплин», но не на этой неделе. Шагнув к музыкальному центру, она выключила запись. Инесса подняла голову и тут же вскочила, отбросив книжку.

– Дашка, ты проснулась! Лучше бы лежала... Ну ладно, раз встала, пойдем чай пить. Ведь пойдем же? Я булочки купила с корицей. – Она говорила с Дарьей, как с маленьким ребенком, заботливо поддерживая под локоток. – Как ты себя чувствуешь?

– Никак. – И это было правдой.

– Ты чего-нибудь хочешь?

– Ничего. – И это было неправдой. Даше очень сильно захотелось *перестать быть*. Прямо сейчас, сию минуту. Ей не нужно было этой реальности, и никакой загробной жизни тоже не нужно. Перестать быть – и все.

– Пей. – Перед ней появилась чашка чаю, булочки на любимом блюде: яркий узорчик, цветочки, ягодки. Как мило, как ненужно. – Выпей все до дна. Твоя мама прилетает вечерним рейсом, раньше не получается.

Даша не удивилась ни появлению булочек, ни довольно-много выгулянному Хуфу. Несси успела сходить в супермаркет, пройтись с собакой, хотя недолюбливала шарпея. Дарья подумала о магазине, потом вспомнила: сегодня первый день

отпуска. Отпуск. Зачем он ей теперь нужен?

– Я звонила лейтенанту Каримову, – осторожно сказала Инесса, видимо, решив, что Даша в состоянии это слышать. – Он объяснил, что результаты экспертизы будут дня через три, и после этого нам отдадут те... Ники. Лейтенант заверил меня, что сложностей не будет, обстоятельства аварии не представляются ему загадочными. Он сказал, что нужно подождать результатов экспертизы, но все равно ясно, что Ники по какой-то причине не справился с управлением и... – Несси развела руками.

– Но он же отлично водит, – с отчаянием сказала Даша.

– Да, Ники был прекрасным водителем, и я тоже не понимаю, как его угораздило... – Несси остановилась, бросив взгляд на бледную до синевы подругу. – Слушай, может, врача вызвать? Не нравится мне твой вид. Краше в гроб кладут... ох, прости!

Если бы Даша не знала так хорошо свою подругу, то решила бы, что Инесса издевается. Но Несси всегда могла ляпнуть что-то непотребное в самый неподходящий момент.

– Ничего, – пробормотала Дарья. – Не надо врача.

– Я займусь похоронами, незачем тебе через это проходить, – категорически заявила Инесса. Даша только покачала головой: события развивались с пугающей скоростью. Совсем недавно, казалось, Ники поцеловал ее на прощание, уходя из дому. И вот теперь – похороны, и поминки, наверное, надо организовывать, у Николая Ларского было много

друзей, которые захотят проводить его в последний путь... Разум еще отказывался все это понимать, несмотря на литры пролитых слез.

– Несси, что бы я без тебя делала, – вздохнула Даша.

– Кто-то должен быть сильным и все это сделать, а я не хочу, чтобы ты с инфарктом свалилась, потому сама займусь. Ничего, все будет по высшему разряду, не сомневайся.

Ну да, Инесса Позднякова все делает по высшему разряду! Неожиданно Дарью обуяла злость, слишком уж циничными показались ей речи подруги.

– Не нужен мне высший разряд! Ничего мне не нужно! Лучше бы Ники был жив... – Слезы снова заструились по щекам. Интересно, сколько можно проплакать без перерыва? Существует ли рекорд? Может, удастся попасть в Книгу рекордов Гиннеса?.. Кто-то маленький, жестокий и циничный проснулся в Даше, и женщина истерически захохотала. Это так больно, но как же это смешно!

– Дашка, у тебя истерика, на вот, выпей. – Под нос сунули кружку с резко пахнувшей жидкостью. Дарья выпила, и действительно, стало легче. Совсем крыша поехала... Раньше Даша отличалась завидным душевным здоровьем и прагматизмом, а теперь? Как, оказывается, легко сойти с ума.

– Я в порядке, Несси, правда.

– Ну да, конечно. Ладно, хочешь, смешное расскажу? Этот лейтенант Каримов, он такой потешный молодой человек. По правде говоря, – хихикнула Инесса, – он попытался со

мною флиртовать. Представляешь?

Даша смотрела на улыбающуюся подругу, и что-то в мозгах заклинило, такой дикой показалась сценка. Схватив первый попавшийся под руку предмет, оказавшийся булочкой с корицей, она швырнула его в Инессу и выбежала из комнаты.

До приезда мамы Даша просидела в спальне, вернее, пролежала, обняв кота. Через пару часов в дверь поскребся Этот, заскулил, и пришлось его впустить. Дарье показалось, что она слышала голос Полины Геннадьевны; ну точно, домработница должна была уже появиться. Видимо, Инесса ввела ее в курс дела и посоветовала пока не трогать хозяйку, потому что, кроме Хуфа, к Даше никто не поскребся.

Но о приезде мамы наверняка тут же узнал весь дом: ее громкий голос проник даже сквозь плотно закрытую дверь.

– Где она? – тревожно вопрошала Софья Станиславовна. – Где моя бедная девочка?

Ответа Инессы не было слышно, впрочем, бывшей ясно-видящей и не требовался ответ: дверь распахнулась, и ярко-бирюзовый вихрь по имени мама оказался рядом с Дашей. Софья Станиславовна всегда носила одежду кричащих цветов, но, вот странность, не смотрелась в ней как попугай, скорее – как экзотическая птица, прилетевшая из жарких стран. При взгляде на малиновые, лимонные, фиолетовые наряды мамочки люди почему-то начинали улыбаться. Дарья никогда не понимала, как можно носить такую одежду

и быть при этом законченной пессимисткой... .

– Ох, моя бедная доченька! – Мать крепко обняла Дашу, и та уткнулась ей в плечо. Пахло от мамочки старыми добрыми духами «Шанель № 5», и этот родной запах вызвал у Дарьи новый поток слез. Вопрос «Сколько можно плакать?» по-прежнему оставался без ответа.

– Ну-ну, все будет хорошо, – проворковала Софья Станиславовна, ненадолго изменив своей привычке предрекать самое худшее. И – вот странное дело – матери Даша поверила. Действительно, все будет хорошо, потому что хуже, кажется, уже невозможно...

Проговорили они до двух часов ночи. Инесса давно уехала, но Полина Геннадьевна осталась; с кухни доносились восхитительные ароматы, и иногда домоправительница возникала на пороге, предлагая попробовать очередной кулинарный шедевр: то печеные яблоки, то пирожки с грибами. Даша сначала отказывалась, но мама и домработница не отступали, и пришлось съесть и пирожок, и фрукты, и чаю выпить. К двум часам ночи, наконец, наступило желанное оупение – от слез, еды и успокоительного. Даша лежала, заботливо укрытая пледом, который мама подоткнула со всех сторон. Осознание страшного уже не вызывало потоки слез.

– А теперь поспи, – сказала Софья Станиславовна. Дарья попробовала возмутиться: почему все хотят, чтобы она спала, что она, спящая красавица какая-то?! – но против воли провалилась в сон, на этот раз, без сновидений.

Утром Даша выползла на кухню, совершенно разбитая, и обнаружила там маман, пьющую чай в компании Саши Кроль.

– Я думала, ты в отпуск уехала, и тут мне звонит Инесса и приглашает на похороны, – объяснила подружка свое присутствие. – Какой кошмар, Дашка. Ты как?

– Еще не разобралась, – отмахнулась Дарья, налила себе соку и села. В голове было мутно, но действительность перестала казаться *убийственной*.

– Ты в состоянии выслушивать новости? – поинтересовалась Софья Станиславовна.

– Ох... давай. – Ничего хуже того, что уже произошло, мать сообщить не могла.

– Звонил некий лейтенант Каримов, я так поняла, он один из тех, кто работает над делом Ники. Он сказал, что официально результаты экспертизы еще не подтверждены, но ты ему понравилась... дальше было много словесной чепухи. Суть проста: Ники был пьян, когда сел за руль.

– Пьян? Это невозможно.

– Каримов сказал, тяжелая стадия опьянения, концентрация алкоголя в крови больше трех промилле. Решение судмедэкспертов однозначно: был пьян, погиб по собственной вине. Не сегодня-завтра нам это объявят официально, и можно будет забрать Колю из лап нашей доблестной милиции...

Даша пыталась осознать сказанное. Ники был пьян. Да он в жизни не сел бы за руль в нетрезвом виде! В самом начале их знакомства они едва не поругались смертельно из-за того, что после вечеринки в компании друзей Николай не дал слегка подвыпившей Даше сесть за руль, и сам не сел, хотя выпил едва ли бокал вина. Дарья вспомнила, как они стояли на тротуаре рядом со старой Колиной «тойотой» и шипели друг на друга, словно ошпаренные кошки. Николай был человеком принципов. В течение всех лет, что Даша знала его, он ни разу им не изменял. Но, может быть, была встреча с клиентом, Ники выпил, потом обнаружил, что опаздывает на семейный ужин... Кто знает! Сам он уже никогда не сможет рассказать.

Глава 7

Гроб был закрытый. Так настояла Инесса, которая ходила на опознание и твердо заявила и Даше, и Софье Станиславовне, что смотреть им там не на что. Совершенно не на что. Убитая горем Даша и не спорила: то, что лежит в закрытом ящике, никак не может быть Ники. Ники – вот он, на поставленном рядом с гробом портрете, улыбается и смотрит в глаза тем, кто пришел его проводить в последний путь. Даша очень любила эту его фотографию – здесь у него волосы чуть длиннее, чем обычно, и взгляд такой озорной...

Заплакать она так больше и не смогла, внутри словно перекрыли фонтанчик. И слава Богу: было бы некрасиво рыдать перед всеми, кто собрался сегодня на кладбище. Чувство собственного достоинства оказалось сильнее слез. Поэтому Даша тщательно замазала синяки под глазами, но, кажется, «штукатурка» не помогла: вид у нее все равно был убитый. «Краше в гроб кладут», – вспомнила Дарья вырвавшееся у Инессы замечание. Впрочем, размышления о внешнем виде мало занимали Дашу. Подумать только, несколько дней назад они с Ники собирались в отпуск – а теперь она хоронит мужа. Вечный отпуск на небесах.

Эзотерические мысли тоже растерялись при столкновении с реальностью: поцарапанный угол гроба, громко сморкающаяся женщина, кажется, подчиненная Николая, пере-

говаривающаяся о чем-то своем парочка – старые университетские приятели покойного... У кого-то затрезвонил мобильник. Владелец, к счастью, быстро выключил звук, но веселая трель еще долго звучала у Даши в ушах. Мысли о высоком, о том, что Ники, наверное, хорошо в лучшем из миров, даже если лучшего мира нет, разбились о мелочи жизни. Но, когда заговорил священник, мгновенно установилась тишина, в которой громко билось Дашино сердце.

Она почти не слышала слов надгробной речи; жизнь и так была скомкана в двадцать второй псалом Давида, в злачные пажити и тихие воды, в долину смертной тени. И убояться зла не получалось, потому что оно уже свершилось... Люди переминались с ноги на ногу, оглушительно орала на соседней березе ворона. Кладбище было тихое, почти безлюдное, старое. Голос священника возносился и летел, как парусник на гребне волны.

...С кладбища Даша шла под руку с мамой и Инессой. День был жаркий, пухлые облака неподвижно висели в небе. Звонил колокол кладбищенской часовни. За спиной осталась могила, засыпанная венками – «От скорбящих друзей», «Покойся с миром», «Скорбим и помним». Потом нужно будет поставить памятник, а пока рабочие на скорую руку установили крест с прибитой табличкой: имя и годы жизни. «Вот так, – думала Даша, – живешь-живешь, а потом раз – и табличка...» Мысли были спокойными и сухими, наверное, от черной усталости.

Несси сделала все на славу, и похороны, и поминки были организованы, действительно, по первому разряду. В квартире Ларских вдруг сразу оказалось очень много людей, одетых в черное. Был накрыт стол; Даша уселась во главе его и оглядела присутствующих. Родители Ники не смогли прилететь на похороны, они жили в Канаде, им пришлось позвонить, это сделала мама. Софья Станиславовна вообще старалась не отходить от дочери все эти дни, делая за нее все, что Даша сама просто не смогла бы сделать. Говорить речь было выше ее сил. Больше всего хотелось уйти в спальню, запереться и лежать, пока не иссякнешь; но приходилось терпеть светскую пытку. Ники умер, а она осталась жить. Зачем? Чтобы сидеть за столом, вспоминая мужа, пить водку и закусывать салатом? Чтобы принимать соболезнования от полужнакомых людей?

Ну, положим, некоторых Даша неплохо знала. Например, партнера Ники, Владимира Сергеева, который все пытался выразить ей сочувствие, но путался в словах. Вообще здесь было очень много сотрудников фирмы «Метрополия»: Николая на работе любили, он был хорошим руководителем. Даже некоторые клиенты пришли, хотя Даша слабо представляла, что они делают на поминках: у некоторых были такие лица, будто они попали на бесплатный фуршет. Есть подобная категория людей, и видеть их в такой день было странно и гадко... Но не все же такие! Один из этих полужнакомых людей, представившийся Егором Квасневским, тоже

подошел к Даше, аристократично поцеловал ей руку и выразил вдове соболезнования – сначала в официальной формулировке, а потом несколькими короткими фразами, которые не задержались у Дарьи в голове, но странным образом немного успокоили. Мама все время была рядом, Полина Геннадьевна, с посеревшим от горя лицом, тем не менее, четко выполняла свои обязанности, подавала на стол еду и напитки. К счастью, не было никаких провинциальных дальних родственников, которые могли бы по-быстрому напиться и упасть лицом в салат: такого фарса Даша бы не перенесла. Она сидела, мучилась и гадала, когда все кончится.

Наконец, она шепнула на ухо маме, что больше не может, и та отвела ее в спальню. Даша сбросила черное платье и без сил повалилась на кровать. Софья Станиславовна укутала ее пледом и, повинувшись слабой просьбе, оставила одну.

До этого момента Даша была чем-то занята. Нужно было что-то делать, куда-то идти, зачем-то говорить. Но теперь, слушая, как расходятся гости, Дарья размышляла – лениво и неторопливо, потому что торопиться было совершенно некуда, – что вот сейчас они все уйдут, потом пройдет ночь, потом настанет новый день, и придется его прожить. За ним еще один, и еще... и так до бесконечности, до того отдаленного момента, когда ей самой придет срок умирать. Эта неведомая дата казалась очень притягательной, она тянула к себе Дашу, как на аркане. Гости разошлись, Инесса и Саша

уехали, мама была на кухне вместе с домработницей, а Дарья все думала о смерти, и чем дальше, тем больше ей казалось, что затягивать бессмысленное существование на долгие годы никак нельзя. Даша была будто в трансе – от голода, от напряжения, так и не пролившегося слезами. Отстраненно, будто не о себе, она думала, что хорошо бы выйти на балкон и шагнуть... Нет. Даша всегда побаивалась высоты, а страх – плохой попутчик в последние минуты жизни. Хорошо бы просто уснуть и не проснуться. Пусть остановится сердце, и все. А дальше... там посмотрим, что будет. Может быть, и существует загробный мир, про который так любила рассказывать своим клиентам мама. Даже если это лес из странного сна, Даша будет идти по нему до тех пор, пока не найдет Ники. Невыносимо думать, что придется снова жить как все, ходить на работу, выгуливать собаку. У всех кто-то есть: у мамы – ее новый муж, у Полины Геннадьевны – семья, внуки, подруги как-нибудь проживут без нее. А она не может жить без Ники, это ясно. Никто без нее не пропадет. Но как не хочется шевелиться... и к сожалению, Дарья знала, что если просто заснет, то обязательно проснется утром. Мир несправедлив, нельзя просто взять и умереть, если пожелаешь этого. Придется приложить некоторые усилия...

Она встала, подошла к двери и прислушалась. Судя по голосам, мама и Полина Геннадьевна все еще на кухне, там же постанывает Хуф, выпрашивает вкусненькое. Даша справилась с идиотским желанием зайти и попрощаться, в духе го-

тических романов. Ее смерть – ее личное дело и сознательный выбор... Если бы она получше прислушалась к себе, то поняла бы, что не такой уж сознательный: она находилась в подобии транса, в который сама себя погрузила. Если бы сейчас кто-то взял и сильно встряхнул ее... Дарья представила, что это делает Ники, но не помогло: перед глазами стояла картинка с кладбища – гроб, заваленный венками, и скромная табличка на временном кресте.

Бесшумно ступая, Даша дошла до ванной комнаты, включила свет и аккуратно прикрыла дверь. Только бы Хуф не учуял и не побежал играть с хозяйкой, тогда замысел придется отложить на потом, а откладывать не хотелось. Где-то в шкафчике стоял пузырек с маленькими белыми таблетками: Ники иногда принимал их перед сном, если чувствовал себя слишком усталым и издерганным, чтобы сразу заснуть. Даша дотянулась до шкафчика, открыла дверцу и достаточно быстро нашла лекарство. Белые кругляшки перекатывались внутри, словно подманивая. А чем запить? Вот, водой из-под крана. Даша вытряхнула из стаканчика зубные щетки, включила воду, подняла глаза и увидела в зеркале над раковиной свое измученное лицо.

И закричала.

Потому что это было очень дико: стоять, наливать воду в стаканчик из-под их с Ники зубных щеток, держа в другой руке пузырек со снотворным, собираться убить себя и смотреть себе в глаза – несмотря ни на что, живые. Полные бо-

ли, смятения и тоски, но живые. В них не было той страшной пустоты, которую ожидала увидеть Даша. Надежды тоже не было, но жизнь – была. Недобитое эго, подсознательное ощущение, что смерть – это естественно, но у каждого свой срок, и когда кто-то уходит, не нужно убивать себя. И это было неправильно, несправедливо, потому что Даша хотела другого. Хоть света в конце туннеля, хоть небытия, а больше всего – чтобы Ники сейчас прибежал на ее крик, наорал на нее и выкинул бутылочку в мусоропровод.

Вместо Ники принеслась мама, за ней – Полина Геннадьевна, и обе женщины мгновенно оценили обстановку. Софья Станиславовна вырвала у Даши из руки снотворное, домработница машинально закрутила кран.

– Даже думать не смей! – заорала мамочка, и это была та самая встряска, которой Даше не хватало. – Слышишь, не смей! Ишь чего надумала! А ну, идем.

Дарью притащили на кухню, всунули в одну руку кружку с горячим крепким чаем, а в другую – бутерброд с сырокопченой колбасой. Вкуса Даша не чувствовала, но хотя бы перестал так болеть желудок. А уши просто в трубочку норовили свернуться, от того что говорили ей маман и Полина Геннадьевна.

– Как ты могла! Даже вообразить! Ты о нас подумала? Нет, ты о себе подумала? Зачем ты хотела это сделать? Ты молодая, красивая! Сейчас тебе нелегко, это понятно, но неужели нужно идти на такой шаг, чтобы избавиться от боли! Это

трусость, слабость, а моя дочь не может быть трусихой! – мамочку несло, она не могла остановиться, и каждое ее слово будто встряхивало Дашу слабым электрическим разрядом, и голова неуклонно прояснялась. – Тебе не стыдно?

– Стыдно, – выдавила Даша. Ее и вправду охватил жгучий стыд, и она съежилась. Как можно быть такой эгоисткой, в самом деле! Что на нее нашло? Сейчас у нее с головы будто сдернули пыльный мешок – ух! – и в глаза ударил ослепительный холодный свет.

Софья Станиславовна перевела дух и сменила тактику.

– Ох, Дашенька, бедная моя доченька, я все понимаю! Но нельзя идти на крайности, понимаешь, просто нельзя. И хотя тот мир и называют лучшим, это говорят люди, у которых какие-то проблемы и которые хотят от них сбежать туда, где, по их мнению, будет хорошо. А этого делать нельзя. Я прожила на свете достаточно, чтобы понять: если ты перенесла огромное горе, потом ты будешь вознаграждена огромной радостью. Я понимаю, что сейчас ты мне не веришь. И не надо. Просто постарайся запомнить то, что я говорю, а потом когда-нибудь ты поблаговаришь меня за эти слова.

Полина Геннадьевна только качала головой. Даша прислушалась к себе: тоска и боль остались, где были, но то мутное состояние, в котором ей уже было все равно, что с нею станет, ушло. Теперь ее занимали другие вопросы: как дальше жить в этом мире без Ники и что делать. Вывод напрашивался сам собой: у нее есть работа, которую она любит, и

если больше нет любимого человека, – что ж, она полностью посвятит себя работе. И будет хранить память о Ники, как самую большую драгоценность. Таким образом, Ники всегда будет с ней. Только вот она с ним уже не будет никогда.

– Но так это дело оставить нельзя, – сказала маман, внимательно наблюдая за дочерью. – Тебе нужен отдых, а торчать безвылазно в этой квартире – не выход. Нужна смена обстановки. Я знаю одно заведение в Подмосковье...

– Мам, ты меня в дурдом сдать собралась? – опешила Дарья.

– Ты уверена, что Даше нужно в клинику? – робко поддержала Дашу Полина Геннадьевна. Матушка только отмахнулась.

– Уверена. Ничего, пара недель – и ты станешь чувствовать себя гораздо лучше, доченька. Заодно не будет соблазна добраться до вот этой гадости! – Софья Станиславовна потрясла пузырьком и, прицелившись, зашвырнула его в пустое мусорное ведро. Обретавшийся на кухне Хуф с интересом проследим за «полетом шмеля» и фыркнул. – И вовсе это не дурдом, это весьма милая частная клиника. Санаторий.

– Ладно, мама, клиника так клиника, – согласилась Даша. Она не была уверена, что так уж хочет жить, но умирать было страшно – проснулся инстинкт самосохранения. Может быть, за две недели она научится существовать без Ники, придумает, как ей быть дальше, если уж смерть – не выход.

Глава 8

Клиника оказалась чем-то средним между больницей и пансионом, и называлось это чудо – реабилитационный центр «Ромашка». «Ромашка», подумать только. Даша даже развеселилась слегка, когда прочитала название у ворот. Настолько, насколько она вообще была способна сейчас веселиться. Она предполагала, что клиника располагается в черте города, – матушка называла Подмосковьем все, что находится за МКАД, – но это действительно оказалось Подмосковьем, неподалеку грохотали электрички, бегущие на Голутвин. Впрочем, на территорию центра, весьма обширную и обнесенную внушительным забором, этот шум не доносился. Охранник открыл ворота, и машина покатила по аллее. Даша высунулась в окно. Тихо, птицы щебечут, совсем как в глубоком лесу. В последний раз Дарья была в лесу лет пять назад, когда Ники уговорил ее съездить на пикник вместе с его друзьями, очень любившими дикую природу, и с тех пор обходила всю эту растительность стороной. Чего хорошего? Комары, клещи, отовсюду корни торчат, того и гляди споткнешься. Но здесь вроде хорошо. А может, Даше просто было все равно.

Персонал в «Ромашке» оказался не просто вышколенным – супервышколенным. Наверное, начальство потратило кучу денег на голливудские улыбки медсестер, мельком поду-

мала Дарья, когда стайка девушек сопровождала ее в палату. Палатой это комнату тоже назвать было сложно, скорее, она походила на гостиничный номер среднего класса. Удобная большая кровать, диванчик, несколько мягких кресел, и дизайн самый что ни на есть консервативный, никаких хромированных трубок, изогнутых под немыслимыми углами. Милая медсестра Оля пояснила Даше, что если она пожелает, ее переведут в палату с более современным дизайном, но Дарья только махнула рукой: хай-тек никогда не казался ей особо привлекательным. Она вообще подозревала за собой склонность к махровому консерватизму, без смелых экспериментов. Софья Станиславовна обняла дочь и уехала, Даша осталась одна. Конечно, не совсем одна, кругом было полно людей, стоит только нажать кнопку – и прибежит Оля, но персонал изо всех сил старался делать вид, что его тут нет. К чести их надо сказать, у них неплохо получалось.

Даше выдали расписание на ближайшую неделю: внушительный список процедур, талассотерапия, какие-то обертывания, расслабляющий массаж, консультации психолога, плюс море свободного времени. Хочешь, гуляй по территории, хочешь, сиди в номере... то есть в палате, и читай книжку. Книжки занимали большую часть багажа Даши: она полагала, что чтение привлечет ее больше, чем прогулки. Учитывая комаров. Парочка кровососов уже влетела в открытое окно и натужно звенела под потолком.

– Добрый день, Дарья Владимировна! – раздался прият-

ный голос от двери. Невысокая полная женщина в белом халате радостно улыбнулась Даше. – Я ваш врач, меня зовут Инна Степановна Петренко. Как вы устроились?

– Спасибо, хорошо.

– Я надеюсь, вам понравится в «Ромашке». – Тут Даша не удержалась и фыркнула. Впрочем, врач не обиделась. – Да, действительно смешно звучит, правда? Вы убедитесь, что поводов грустить у нас нет. Медсестры покажут вам, где у нас столовая, процедурные кабинеты и библиотека. На втором этаже – видеосалон, каждый вечер в восемь те пациенты, кто хочет, собираются там и смотрят кино. Но вы не обязаны с кем-то общаться. Если вы пожелаете, еду вам будут приносить в палату, у нас это разрешено.

– Да, если можно, это было бы замечательно! – Даше пока не хотелось встречаться за общим столом с незнакомыми людьми. Ей вообще не хотелось с кем-то встречаться, кроме персонала. Почему-то было немного стыдно за свои проблемы, и этот стыд рациональному объяснению не поддавался. Ведь нет ничего предосудительного в том, что в случае душевных проблем прибегают к услугам специалистов. Лечение тела почему-то всегда легко доверяют врачам, а вот душу предпочитают лечить кухонными беседами и водкой. А потом из окон прыгают.

До вечера она лежала на кровати, просто глядя в окно, за которым колыхались зеленые, просвеченные солнцем ветви. Умиротворяющее, почти гипнотизирующее зрелище. Даше

казалось, что она сама стала кленом и покачивает ветвями под легким ветерком. Из-за того, что дерево росло рядом с окном, свет в комнате был зеленый, призрачный. Как на дне океана недалеко от берега. Даша вспомнила перекидной календарь, который висел у нее над рабочим столом: на июльской странице там были какие-то острова, то ли Бали, то ли Мальдивы... И такая зеленая, прозрачная вода. Мысли текли лениво, шевелиться не хотелось, и персонал не лез с настойчивыми просьбами пойти прогуляться или поужинать. Дашу оставили в покое.

Дни потекли один за другим, спокойные и неторопливые. Дарья почти не видела своих соседей по этажу, кажется, они тоже не стремились завязать с ней знакомство. Вот и хорошо. Процедуры оказались приятным дополнением к спокойному существованию: никто из работников центра не пытался навязываться и никогда не затевал разговор, если пациентка молчала. Кроме психолога, но у него работа такая.

Психолог оказалась пожилой женщиной в строгом костюме, чрезвычайно компетентной, несмотря на свою внешность доброй бабушки. Даша опасалась, что врач замучает ее вопросом «Хотите об этом поговорить?», но та не настаивала на разговоре, если пациентка того не хотела. В течение первого сеанса они говорили об отвлеченных вещах, и Дарья прониклась симпатией к этой женщине. Во время второй встречи она сама завела разговор о Ники. Это было как

нарыв, который надо вскрыть: слишком больно, но и терпеть уже дольше нельзя.

И Дашу словно прорвало, она говорила и говорила о погибшем муже, просто вспоминала всю их семейную жизнь. Как странно, время казалось бесконечным, оно текло и текло, не оставляя после себя заметных следов, и вдруг закончилось – для Ники. И Даша осталась на пустом берегу, у разбитого корыта, с множеством вопросов о несправедливости бытия, на которые никто и никогда не даст ответов. Даже квалифицированный психолог. Впрочем, Даша не была уверена, что психолог сможет ей помочь в том больном месте, которого она вообще избегала касаться. Поселившаяся в душе отчужденность никуда не делась даже после воспоминаний вслух. Между Дарьей и миром по-прежнему стояла стеклянная стена.

Тем не менее, какое-то облегчение эти разговоры приносили. Во всяком случае, Даша уже пережила повторный приступ жуткого стыда за свою неудавшуюся попытку выпить снотворного больше, чем положено, и приняла твердое решение не поступать так больше ни при каких обстоятельствах. Смерть Ники не сломала ее, все-таки не сломала, но определенно отняла огромную часть души, и теперь эту пустоту было нечем заполнить. Даша хотела жить, но она не хотела жить без Ники. Вот такой парадокс.

Самое странное, что ее не тянуло ни на какие сентиментальные глупости: не хотелось смотреть часами на портрет

Ники, не хотелось перебирать в памяти моменты безоблачного счастья с мужем, даже поехать на могилку и порыдать там – и то не хотелось. Даша, воспитанная на классической литературе, помнила, как обычно страдали героини после смерти возлюбленных, но приверженность к классике в данном случае могла сыграть злую шутку. Тоже, нашлась Джульетта. Только вот в холодный склеп не хочется... Иногда по ночам Дарья плакала, но уже не так сильно и с надрывом, как в первые дни после смерти мужа. Слезы постепенно иссыкали.

Отсутствие привычного шума за окном тоже слегка пугало; в первую ночь в клинике Даша едва заснула, да и в последующие проспалась не от малейшего шороха, а от тишины. Дитя города, что поделаешь.

Кстати, именно сейчас Дарья поняла, почему она так любит большие города вообще и Москву в частности: в них чувствовалась кипучая энергия, которой всегда было не занимать и ей самой. А еще ей нравилось ощущать присутствие людей вокруг, это просто невыносимо, если кругом на многие километры простираются леса и поля. Каким, должно быть, ужасом проникнута жизнь в далеких деревеньках! До ближайшей станции топать и топать, вокруг одни алкоголики – потому что чем еще заниматься людям в деревнях, когда вся прогрессивная молодежь подалась на заработки в город? В Москве же, стоит выйти на улицу в любое время дня и ночи – и вот вам пожалуйста: и метро, и такси, и круглосуточный

супермаркет под боком, и машины бегут по проспекту. Даже в отдаленных районах жизнь не затихает, идет круглосуточное строительство, например. Даша подозревала, что ее точка зрения в чем-то ущербна – хорошо смотреть на мир с двадцать четвертого этажа элитного жилого комплекса! – но в городах ей все равно было лучше, чем на природе. У боязни жизни в глуши наверняка даже название научное есть, сейчас все фобии как-то называются. Надо будет спросить у психолога...

Напрасно Даша думала, что обитатели больницы оставят ее в покое. Все-таки приходилось сталкиваться на общей территории, а посмотри Даша подольше на себя в зеркало, то уловила бы, что не перестала быть желанным объектом если не для ухаживаний, то для внимания точно.

На четвертый день своего пребывания в «Ромашке» – название уже перестало казаться смешным, – Даша сидела неподалеку от своего корпуса, на скамье, и пыталась дышать свежим воздухом по расписанию. С четырех до шести вечера у нее значилась послеобеденная прогулка, а выполнять предписания было проще, чем объяснять любезнейшей Инне Степановне, почему этого не делаешь.

– И что люди находят в этом лесу? – спросила Дарья у спрыгнувшей на тропинку белки. – Лес как лес. Деревья, трава, кусты, белки. Кис-кис-кис...

Белка проигнорировала фамильярное обращение и усе-

лась на задние лапки, выпрашивая вкусенькое, пушистый хвост зверька нервно подергивался.

Даша белкам уже не удивлялась: их тут было полно, и все, как одна, наглые. Персонал и отдыхающие совсем их разбаловали, прикармливали при каждом удобном случае, даже гладили, если зверьки позволяли. Поэтому велико было удивление Дарьи, когда в сидевшую рядом белку с прицельной точностью попала брошенная кем-то шишка. Попрошайка не стала ожидать повторного нападения и удрала, только рыжий хвост мелькнул.

Дарья обернулась посмотреть на «снайпера». Им оказался мужчина лет сорока, грузный, одетый в тренировочный костюм. В руках у него было полно шишек. Увидев, что белка скрылась с места происшествия, мужчина подозрительно посмотрел на Дашу.

– Вы ведь не одна из них? – поинтересовался он.

– Простите? – опешила Дарья.

– Из этих, – он кивнул в сторону корпуса. – Знаете, тут встречаются настоящие сумасшедшие, иногда даже буйные. И зачем только нормальных людей сюда сажают?

– Это ведь не сумасшедший дом, – мягко сказала Даша, – отсюда в любой момент можно уехать.

– Да? – удивился собеседник. – Вы уверены?

– Ну да. – Разговор начинал напоминать комедию абсурда. Или трагедию, если выяснится, что этот мужик – тот самый буйный, которых он боится.

– А вы не буйная? – словно прочитав ее мысли, забеспокоился мужчина.

– Что вы, нет, конечно, – завершила его Даша.

– Это хорошо. С буйными много проблем. Их держат за решеткой и стерегут днем и ночью. А они так страшно воют иногда, знаете! – мужчина многозначительно подмигнул. – Светлана Игоревна говорит, что это волки. Но я-то знаю! Откуда волки в семи километрах от МКАД?

– А кто такая Светлана Игоревна? – машинально спросила Даша.

– Светлана Игоревна, о! Это моя Мария Магдалена. Она заботится обо мне. Считает, что один я пропаду. Но я не могу пропасть, это невозможно, знаете ли. – Он хихикнул.

«Вот настоящий сумасшедший, – подумала Даша, глядя на мужика во все глаза. – Вот у кого крыша поехала! А я-то считала себя ненормальной».

– А как вас зовут? – спросила она, чтобы поддержать разговор. Может быть, если она будет очень-очень вежливой, этот псих на нее не кинется.

Вопрос, казалось бы, простой, но мужчина забеспокоился.

– А вы никому не расскажете? И смеяться не будете? Многие смеются и не верят. Но это на самом деле так! Я – это он.

– Я не буду смеяться, – сказала Дарья.

– Тогда хорошо. Меня зовут... – он таинственно понизил голос, – Иисус.

– Редкое имя. – Что еще на это сказать, она не знала.

– Единственное в своем роде. И вы знаете, я открою вам одну тайну...

Какой бы ни была эта тайна, Даша ее не узнала: у скамейки появилось третье действующее лицо – дородная медсестра. Она быстро улыбнулась Даше и нахмурилась, глядя на «Иисуса».

– Я вас обыскала, Афанасий Иванович, – упрекнула она больного.

– Я лишь немножко погулял, Светлана Игоревна, – залезил безил мужик.

– Ладно, а теперь идемте, пора в бассейн. Извините его, – тихо добавила она, обращаясь к Даше. – Он вам не докучал?

– Нисколько, – успокоила она женщину.

– Слава Богу. Отдыхайте, пожалуйста. – И медсестра уведла мужчину.

Даша вздохнула, глядя им вслед. Ну, надо же, Иисус!

– Вы не бойтесь, здесь буйных нет, – послышался голос рядом, и Дарья, обернувшись, увидела стоящую у скамейки женщину. Видимо, она только что вышла из леса: в руке корзинка с грибами. – Афанасий Иванович очень тихий и интеллигентный. У него вялотекущая шизофрения: пару раз в год начинает воображать себя Спасителем, и дочь отправляет его отдохнуть в этот санаторий. Тут правда очень хорошо. Тихо, спокойно, спасти человечество не нужно – персонал сделает это за тебя... – Женщина улыбнулась. – Не возражайте, если я тут присяду? Ходила, ходила, утомилась.

– Садитесь, пожалуйста.

– Спасибо. – Она поставила корзинку на землю. – Вы недавно приехали? Я вас в столовой не видела.

– Да, недавно. А вы здесь работаете?

– Нет, я, как и вы, пациентка. Извините, не представилась: Лидия Константиновна, но отчество можно отбросить.

– Я Дарья.

– Очень приятно, Даша. Вы надолго сюда?

– Нет, через полторы недели уеду.

Повисла пауза. Даша сидела и смотрела на грибы.

– Сто лет не видела только что собранных грибов! Только в баночках.

– Вы городская девочка, да? – мягко улыбнулась Лидия.

– Да, а вот муж любил ходить за грибами, когда позволяло время. Его дед научил... – При воспоминании о Ники, к горлу, как всегда, подкатил комок.

Глава 9

– Моя дочь тоже любила ходить по грибы. – Взгляд Лидии затуманился.

Даша молчала, не желая вопросами растравить душу собеседнице. Кто знает, что кроется иногда за самыми обычными словами, и как невзначай брошенной фразой можно обидеть человека. А когда женщина говорит о своей дочери в прошедшем времени... ну, в любом случае, это значит, что дочери в ее жизни больше нет.

– Ники как-то принес целое ведро белых грибов, – неожиданно вслух вспомнила Даша. – Полина Геннадьевна их замариновала. Очень вкусно! – она сглотнула, но не потому, что вспомнила вкус маринованных грибов. Оглушительно чирикала какая-то птица. – Мой муж погиб некоторое время назад в автокатастрофе. – Вот она и смогла в первый раз сказать это вслух.

– Мою дочь изнасиловали и убили четыре пьяных подонка, – ровно сказала Лидия. – Больше полугода назад... Через неделю сын отправил меня сюда, и я пока не хочу уезжать. Кажется, если уеду, случится что-то страшное. Никак не могу понять, что страшное уже случилось. Знаю, а понять не могу. – Она удивленно покачала головой, словно прислушиваясь к чему-то в себе.

– Я... я соболезнаю, – только и смогла выдавить Даша.

– И я вам тоже. Но что от этого толку? Что, если подумать, толку от всех наших слов, если они ничего не меняют?

Даша вздохнула:

– Я всегда считала, что «Я тебя люблю» – это слова, у которых никогда не истечет срок годности. Они не портятся, их не нужно хранить в сухом прохладном месте и беречь от детей. И смертельной дозы у них нет. Теперь я знаю, какова эта доза, но все остальное остается прежним.

– Да, беречь от детей, определенно, не стоит, – пробормотала Лидия. – Ни от кого. Потом можно с ума сойти, пересчитывая, сколько раз имел возможность сказать, что любишь, и сколько раз она была упущена. Сидишь и считаешь упущенное. Ничего больше не надо. Вот такая любовь.

Дарья внимательно посмотрела на собеседницу. Некоторые, вроде Афанасия Ивановича, сходят с ума заметно и шумно, а некоторые вот так – постепенно, растворяясь в прошлом и не оставляя себе места для будущего. А ведь у этой женщины есть сын, который наверняка любит мать, иначе бы не позаботился о ней, отправив в супердорогую лечебницу. А Лидия живет только подсчетом минут, когда она не сказала дочери, что любит ее. Может быть, она была не слишком хорошей матерью и теперь осознает это – кто знает! Даша не вправе задавать ей такие вопросы. Но она-то, Дарья Ларская, была хорошей женой Ники и любила его без памяти! Жить одной памятью у нее не получится. Следовательно, надо найти хоть какое-то достойное леди занятие, и окунуться

в него с головой. Ники никуда не денется из ее сердца – для него у нее не существовало слова «нет».

...На второй неделе пребывания в клинике Дашу посетило отрешенное спокойствие – да так и осталось. Она решила, что это наилучшее состояние души, на которое она сейчас способна. Пора было возвращаться к жизни в обществе. И хотя психолог попробовала уговорить ее остаться, Даша настояла на отъезде. Аппетит у нее так и не появился, слезы высохли, вкус к жизни не наметился, но уезжала она определенно спокойнее, чем была до своего приезда в «Ромашку».

Квартира встретила Дашу умопомрачительными кухонными запахами. Хуф, соскучившийся по хозяйке, постарался облизывать ее с ног до головы и, надо сказать, почти преуспел.

– А где мама? – поинтересовалась Дарья у Полины Геннадьевны, критически осматривавшей ее.

– Улетела во Владивосток, там какой-то олигарх увидел странный сон и затребовал свою персональную Пифию. Даша, ты так похудела! Тебе надо больше кушать. – Перед Дарьиным носом оказалась тарелка, где с горкой было навалено всяких вкусностей. – Ешь!

Даша вяло поковырялась вилкой в еде, скушала что-то, чтобы не обижать Полину Геннадьевну, но есть действительно не хотелось. Хуф ускакал в очередной мебелеразрушительный квест за Федей.

– Что здесь происходило эти две недели? – Мать отобрала у Даши мобильник, так что приходилось пребывать в информационном вакууме. Домоправительница махнула рукой.

– Названивали постоянно, Инесса и Саша. Инесса тобой интересовалась, спрашивала, где твоя клиника находится, да только я ей не сказала. Незачем тебя было тревожить, не для того ты туда поехала. А Саша тоже о тебе спрашивала – когда вернешься. У нее какие-то вопросы были по делам в магазине, ну и очень беспокоилась, как ты себя чувствуешь.

Уезжая в «Ромашку», Дарья оставила все дела в магазинах на Сашу, благо заместительница прекрасно разбиралась в этом – иначе не была бы заместительницей. И напрасно Галина метит на это место, разве что сделать Сашку своим партнером. Даша знала, что подруга хочет этого, но до сих пор почему-то руки не доходили. Ладно, посмотрим до ноября. А потом можно будет сделать Сашке подарок к Новому году.

Мысли о работе так захватили Дашу – она даже сама удивилась. В этом мире, оказывается, осталось еще то, что ее интересует. Любимая работа – сеть магазинов «Всезнайка»! Наскоро поблагодарив Полину Геннадьевну, Даша метнулась в комнату и открыла органайзер. Так, дел невпроворот, на следующей неделе запланирована встреча с Успенским, а она ему даже не позвонила пока! Ужас! Схватив телефонную трубку, Дарья набрала номер Саши.

– Слушаю! Ой, Дашка, привет! Ну, как ты?

– Более-менее нормально, – отмахнулась Даша, – слушай, ты Успенскому звонила?

– Да, еще на прошлой неделе. Вроде пока ничего не поменялось. Так что объявления уже висят, мамы интересуются, дети тащат с полок книжки, и вообще полная лепота и процветание.

– Вот и хорошо. Я завтра в офис приеду, там и поговорим.

– А может, мне к тебе вечером заглянуть?

Даша прикинула: сидеть одной, действительно, не хотелось, но и гостей звать – тоже не особенно. Но Сашка...

– Да, хорошо, давай приезжай.

– Только Инессу не зови, ладно? Я с тобой хочу пообщаться, а не с ней.

– Хорошо, – удивилась Даша. Чем это Несси успела Сашке так насолить? Отношения обеих женщин никогда не были натянутыми, скорее, приятельскими. И хотя они не дружили крепко, неприязни друг к другу не испытывали. Ни разу еще не было так, чтобы общительная и добрая Сашка специально оговорила условия встречи: без Несси. – Я ей пока и звонить не буду. – Несси наверняка начнет выпытывать по телефону подробности ее душевного состояния, а на такие вопросы Даша даже лично не хотела отвечать. Вообще, это ее дело, как она переживает смерть Ники, остальных оно мало касается, даже самых близких друзей.

– Окей, тогда до вечера.

Все-таки тяжело было снова адаптироваться в квартире,

которую так недавно – и в то же время, кажется, неизмеримо давно, – делила с Ники. Время вообще приобрело странные свойства, казалось то тягучим, как ириска, то стремительным, как джейран. Дарья фыркнула, поймав себя на таких сравнениях. Писательский талант проснулся, что ли? Никогда не могла художественно складывать слова, это Николай был мастер сочинять вирши. Выходили они, с точки зрения Даши, не такими уж гениальными, но она ни за что в жизни не призналась бы в этом мужу. Мужчина сочиняет для нее стихи – что может быть прекраснее! А если там где-то и срифмованы кеды с полукедами, так это всего лишь милые маленькие огрехи. Главное – не форма, а содержание!

В их спальне все напоминало о Ники. Правда, кто-то убрал всю его одежду в шкаф, но, распахнув его, Даша тут же увидела вещи погибшего мужа и немедленно тихо расплакалась – от неожиданности, наверное. Взяв рубашку, она зарылась в нее лицом. Рубашка пахла Ники – его одеколоном, видимо, ее не успели засунуть в стиральную машину. Даша попыталась представить себе, что сейчас он войдет и обнимет ее за плечи. Прислушалась. Но только коротко взлаивал. Этот, гоняясь за Федором, на кухне гремели сковородки, а отсутствие Николая ощущалось просто-таки физически. Даша скомкала рубашку, зашвырнула ее на полку и захлопнула дверцу шкафа. Все, хватит плакать, слезами горю не поможешь – народная мудрость оказалась действительно мудростью. Остается жить, как получится, и хранить память о

Ники.

Сашка подозрительно присматривалась к подруге первые полчаса, потом соизволила высказаться:

– Что-то мне не нравится твой вид, душа моя. Ты где аппетит посеяла?

«На кладбище», – чуть не брякнула Даша, но вовремя сдержалась. Не хватало еще чернушные истерики закатывать! Делаться поклонницей черного юмора тоже не хотелось, спасибо большое. Попахивает каким-то гнилым цинизмом. Поэтому Дарья махнула рукой как можно беззаботнее.

– Это все временное. Ну не хочу я есть, Саш, правда. Зато очень хочу знать, что вы без меня там пропадаете. Потому что если нет, то я без вас точно пропаду.

– Хочешь с головой уйти в работу? – проникательно прищурилась подруга. – Я тебя насквозь вижу! Ладно, на первое время рецепт верный, сойдет.

– Спасибо, доктор!

– Благодарность оставьте на столе в конвертике! – разведалась Сашка. – Мне кажется, тебе надо встряхнуться, а работа – это не совсем та встряска, которая может помочь.

– Ты что, предлагаешь пойти в ночной клуб? Извини, я не готова.

– Никаких клубов. закажем мальчиков на дом...

– О Господи! – расхохоталась Даша. – Ну, ты скажешь!

– Конечно, я пошутила, но видишь – ты уже смеешься.

Когда будешь готова, скажешь. – Сашка пожалала ей руку. – Правда, Даша, все что угодно. Тебе сейчас можно.

– Ох, не напоминай! – поморщилась Дарья.

Полина Геннадьевна торжественно, как дичь на подносе, внесла радиотелефонную трубку.

– Даша, это Инесса.

– Привет-привет! – прочирикала Несси. Судя по громкой музыке, слышной в трубке, Инесса то ли находилась на вечеринке, то ли просто, по своему обыкновению, забыла выключить музыкальный центр – грохот ей никогда не мешал. – Ну, как ты?

– Спасибо, хорошо. – Как-то не было желания посвящать Несси в свои переживания прямо сейчас. Вот придет она, тогда можно будет поплакать в жилетку.

– Хорошо? – подозрительно переспросила Инесса. – Ну ладно... Я к тебе завтра вечером заеду?

– Конечно, приезжай, Полина Геннадьевна ужин приготовит.

– М-м-м, ужин! Это будет то, что надо! Тогда до завтра. Не вешай нос! – и Несси отключилась, не дожидаясь ответа.

– Я почему-то думала, что она будет горевать дольше, – заметила Сашка.

– А разве Инесса не переживает? Я думаю, она просто маскируется. – Наигранное веселье всегда было любимым способом Инессы убегать от проблем. Чем хуже ей было, тем лучезарней она улыбалась.

– Да? Я-то полагала, она просто бесчувственная.

Даша улыбнулась:

– Знаешь, какие ее любимые стихи?

– Несси любит стихи? Никогда бы не подумала.

– Очень мало, избранные. А вот этот отрывок из Есенина висел у нее над столом много лет. – И Даша процитировала:

*– «Счастье, – говорил он,
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.
В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым —
Самое высшее в мире искусство».*

– Ловкость ума и рук – это про Инессу, точно. – Сашка засмеялась и покачала головой. – Ладно, Бог с ней и с ее любимыми стихами. Только не бери ее способ на вооружение, пожалуйста.

– Я об этом думала, – улыбнулась Даша.

– Это не твое.

Дарья не стала бы так безоговорочно это утверждать, но промолчала. В конце концов, у каждого свой способ бежать от невыносимой тоски. Пока что у нее не получится спокойно улыбаться, когда душа рвется на части. Пока получится только одно: раствориться в повседневности и надеяться, что боль утихнет. Может быть. Когда-нибудь.

Глава 10

Август подходил к концу, и утра стали прохладными. Выходя из машины, Даша поежилась: скоро придется влезать в теплые свитера и ботинки на меху, и вообще, так до Нового года недалеко. Раньше, когда она была моложе, время текло медленнее. Опять свойства времени: то неделя укладывается за секунду, то наоборот – секунда становится неделей.

– Это все индивидуально, – утверждала Саша. – Для меня время летит, как бешеное.

А для Дарьи последние недели стали чем-то вроде одиночного заключения в четком расписании, которое она оставила для себя сама. Ни шагу в сторону, все жестко расписано и регламентировано: утром встать, привести себя в порядок, поесть, иначе Полина Геннадьевна обидится. Потом приехать в магазин и работать, работать, работать... пока Сашка не выгонит ее, или не вытащит куда-то – что случалось достаточно редко, все-таки у подруги муж и маленькая дочь, требующие внимания. Инесса была вся в каких-то своих заботах: после смерти Николая дела в «Метрополии» шли, судя по всему, не блестяще. Несси уверяла Дашу, что у них просто временные трудности, и действительно – к концу августа Инесса перестала выглядеть как раб с рудников, видимо, дела в конторе наладились. Но из-за обилия дел Дарья виделась с Инессой не так часто, как хотелось бы.

Софья Станиславовна вернулась от олигарха, провела с дочерью неделю, заставляя ее каждый день что-то делать помимо работы, а потом укатила обратно во Владивосток, к мужу.

Впрочем, Дашу это почти устраивало. Ей хотелось побыть в одиночестве, но она не хотела быть одна; и Даша уходила гулять – по паркам, по Бульварному кольцу, по шумным центральным улицам. Она пила кофе в маленьких кафе, которые непременно отыскивались на задворках, иногда поднимала с земли первые золотистые листья, и с каждым шагом ощущала, как сковывающая ее боль растворяется в шумном, вечно куда-то спешащем городе.

Но дома тоска не отпускала. Портрет Ники, на который Дарья так и не решилась прикрепить траурную ленточку, смотрел со стены умными живыми глазами. Иногда Даше казалось, что он следит за ней. Из глубин подсознания выползли забытые страхи, какая-то глупая боязнь монстров в шкафу и шебуршунчиков под кроватью, и несколько раз Дарья просила Полину Геннадьевну остаться ночевать, а иногда приглашала Сашу или Инессу.

– Дашенька, ты какая-то совсем дерганая стала, – озабоченно говорила Полина Геннадьевна и готовила для хозяйки какие-то успокаивающие отвары и умопомрачительную выпечку, которую Даша все равно проглатывала, не замечая вкуса. И худела. За прошедшие недели куда-то делись больше восьми килограммов.

– На привидение похожа, – фыркала Сашка, критически оглядывая подругу. Даша безразлично махала рукой: все эти мелочи не казались ей существенными.

Это августовское утро – еще несколько дней, и наступит календарная осень, – тоже начиналось как обычно, с завтрака, уговоров домработницы съесть еще немножко, прогулки с Хуфом – в последнее время Даша уделяла собаке много внимания. Она вообще старалась отыскать побольше мелких забот, требующих ее внимания, и делала их для себя очень важными делами. Так было легче. Во всем остальном смысла не имелось.

– Доброе утро, Дарья Владимировна! – почти хором пропели Валерка, Мишка и Петька, стоило Даше войти в магазин. Мальчишки расставляли по полкам только что прибывшую партию литературы.

– Доброе утро! – улыбнулась им Даша. – А почему вы тут трудитесь с утра пораньше? Меня посадят за эксплуатацию детского труда!

– Любе сегодня с утра в институт надо, она у Александры Рудольфовны вчера отпросилась, – бесхитростно сдали одну из сотрудниц магазина добрые дети. – А мы маме помогаем.

– Лучше уж тут, чем в школе, – рассудительно заметил самый серьезный из ребят – Петька. Его братья закивали. Заканчивались школьные каникулы, и, как всегда в конце августа, был огромный спрос на учебники. Учебная литература менялась каждый год, поэтому доходы текли рекой. Те-

перь образование стало недешевым удовольствием, и Даша помогала своим знакомым, чем могла. Вот эти три юных голвореза, разумеется, получили премию за помощь в магазине – полный комплект учебников каждому и еще пять книг на выбор, какие понравятся. Когда Валерка утащил с полки огромную энциклопедию «Астрономия», его мать попробовала было возражать, но Даша махнула рукой: пусть, дети честно заслужили награду, помогая все лето во «Всезнайке».

Саша пребывала в заслуженном отпуске – после смерти Николая она об отдыхе даже не заикалась, впахивая по четырнадцать часов в сутки, чтобы дать Дарье прийти в себя, – и на прошлой неделе Даша чуть ли не силой вытолкала ее отдыхать, вручив солидную премию. «Если что, звони», – сказала Сашка напоследок – и сама звонила по несколько раз на дню, интересуясь, как идут дела, пока Даша не пригрозила – в шутку, конечно, – уволить ее за излишнее служебное рвение. Подруга тяжело вздохнула, смирившись с тем, что некоторое время обойдутся без нее, и укатила вместе с Сонькой к бабушке в деревню – проще говоря, в маленький городок на берегу Черного моря. Там по-прежнему стояла жара, и можно было купаться, в Подмосковье же купальный сезон был благополучно закрыт. Даша не завидовала подруге, если бы хотелось, она хоть завтра могла бы купить билет на самолет и улететь в теплые края. Не хотелось. Почти ничего не хотелось, только работать, работать, работать, чтобы потом падать на кровать и засыпать без снов.

В кабинете тихо играло не выключенное с вечера радио. Даша подкрутила настройку громкости, и голос Макаревича наполнил помещение, хриловатый и прозрачно-чистый одновременно.

*Все очень просто:
Сказки – обман.
Солнечный остров
Скрылся в туман.
Замков воздушных
Не носит земля.
Кто-то ошибся —
Ты или я.*

– Ох, и везет мне на такие песни, – пробормотала Даша. За окном желтел клен – листья уже были тронуты золотом и медью, и Дарья засмотрелась на дерево. Хорошо быть деревом, наверное. Никаких тебе забот, кроме погодных условий. Хотя, кажется, есть еще вредители какие-то, жуки-древоточцы, например...

Впрочем, погодные условия влияли и на работу ее магазинов: после обеда примчалась Галина с известием, что после вчерашнего дождя затопило складское помещение магазина, который располагался в Марьино. Там Дашей было куплено большое полуподвальное помещение, видимо, расположенное в энергетически неудачном месте: в магазине вечно что-то случалось. Не далее как на прошлой неделе ввалились

два пьяных мужика, и пока охранник, помогавший с выгрузкой новой партии книг, прибежал в торговый зал, мерзавцы уже успели до смерти напугать продавщиц и опрокинуть два стеллажа. Одно из преимуществ расположения марьинского «Всезнайки» было в том, что буквально за углом находилось отделение милиции. Бравые служители закона примчались быстро. С этим делом тоже придется разбираться, подавать в суд за порчу имущества, но Дашу это почти радовало: еще один пункт в длинном списке дел, которые не дадут ей сойти с ума. И известие о потопе ее тоже немного обрадовало. Это пугает.

– Галина Ивановна, будьте любезны, присмотрите за магазином. А я съезжу в Марьино, – велела Дарья. – Сама разберусь, что у них там произошло. – Вчерашний дождик никак нельзя было назвать всемирным потопом, странно, что склад затопило.

Госпожа Куженко поджала губы.

– Что у них там может случиться, кроме разгильдяйства? С накладными вечно путаются, в бухгалтерии неразбериха...

– Ну, Галина Ивановна, помилуйте, – улыбнулась Даша, – там девочки молодые работают и охранник – только что из армии.

– Вот надо уволить их всех и нанять квалифицированный персонал, – отрубил госпожа Куженко и тут же опасливо покосилась на Дарью – не переборщила ли?

– Не могу я их уволить. Мне их жалко. И не говорите,

что жалость – враг успешного руководителя. Зато она – друг хорошего руководителя. – Даша встала и взяла сумочку. – Все, я уехала. Если что, звоните на мобильный.

Великий потоп оказался действительно великим – на двери магазина висела табличка «Закрето», а пониже красовалась наспех нацарапанная от руки записка: «По техническим причинам магазин не работает». Даша постучала посильнее, и через пару минут ей открыла взволнованная и запыхавшаяся Светочка – одна из продавщиц.

– Ой, Дарья Владимировна! – пискнула она.

– Здравствуй, Света. Что у вас тут случилось? – Даша уже шагала к складскому помещению, а девушка еле за ней поспевала.

– Мы пришли утром, заходим на склад – а там воды по щиколотку и окно распахнуто. Видимо, забыли вчера вечером, уходя, закрыть, и дождь...

– По щиколотку? Это не дождь. – Дарья спустилась на склад, и ее глазам предстали свидетельства потопа: на стенах рядом со злополучным окном отошла штукатурка, часть ящиков с книгами подмочена, остальные благоразумно вытаснены на сухое место, двери на склад распахнуты, а продавщицы выносят ведрами воду.

– Дарья Владимировна! – воскликнула продавщица постарше, Алина. – Это трубы! Нас сверху залили! Кеша говорит, окно открывали снаружи.

Охранник Кеша кивнул.

– Через это окно и ребенок не пролезет, вора́м сюда со-
ваться нечего. Да у нас и не ювелирный магазин... А вот на-
верху, в гастрономе, там над нашим складом как раз кухня,
наверняка у них трубы и потекли. Они отвечать не хотели
небось, и вот...

– Давайте не будем голословно обвинять владельцев га-
стронома, – охладила Кешин пыл Дарья. – Я с этим разбе-
рись. Бригаду вызвали?

Алина кивнула:

– Скоро будут.

Сантехники прибыли четверть часа спустя – не спешили,
если учесть, что Даша успела доехать сюда из центра. Осмот-
рев помещение, они вынесли вердикт:

– Сверху вас заливают. Там надо воду перекрывать.

Кипя от негодования, Даша направилась в гастроном «Ла-
комый кусочек» – именно так называлась эта торговая точка,
работники которой хотели свалить собственные ошибки на
мирный московский дождик, который вряд ли мог сравнить-
ся с тайфуном с каким-нибудь ласковым женским именем.

– Где ваше начальство? – поинтересовалась Даша у одной
из работниц гастронома.

– А вам зачем? – невежливо буркнула тетка, объемами на-
поминавшая башню старинного замка. Видимо, блондиночка
Даша не представлялась ей серьезной противницей.

Дарья сузила глаза и зашипела:

– Если ты сейчас же не проводишь меня к начальству, учти, с завтрашнего дня ты тут больше не работаешь. Я этого добьюсь.

И это самое меньшее, что для нее смогут сделать владельцы данного торгового предприятия, чтобы она не подала на них в суд. Надо же, какая жизнь пошла интересная: только успевай судиться!

Владельцем оказался мужчина средних лет, лысенький, полный. Он представился Тимуром Григорьевичем и засуетился, предлагая даме кресло, кофе и печенье. Даша отказалась от всего: нечего с такими фамильярничать.

– Любезный Тимур Григорьевич, почему вы нас заливаете?

– Боже упаси! – вытаращил глаза владелец гастронома. – Я! Вас! Это какая-то ошибка! У нас все в полном порядке.

– Ладно, – пожала плечами Даша, поворачиваясь к двери. Сантехники смотрели недоумевающе. – Пойдем, ребята. Совершенно очевидно, что Тимур Григорьевич хочет говорить не с нами, а с господами из санэпидемнадзора. Сейчас я позвоню господину Секретову, который является моим хорошим знакомым, – между прочим, в этом не было ни капли лжи, – и он разберется, кто прав, кто виноват.

– Подождите! – вскричал Тимур Григорьевич. Дарья остановилась на пороге и обернулась. – Может быть, не надо Секретова?

– Может быть, – промурлыкала Даша. – А что вы можете

предложить, в таком случае?

...Вечером, укладываясь спать, Дарья чуть улыбалась: надо же, не разучилась воевать с хамами. Но следующая мысль заставила улыбку померкнуть: что же, получается, ее жизнь теперь превратилась в войну с хамами и бытовыми проблемами? А что ей еще остается?

– Пойти и повеситься, не иначе, – проворчала Даша. Но, конечно, не всерьез.

Глава 11

В сентябре Даша впервые после похорон поехала на кладбище, на могилу Ники.

Она никого с собой не взяла, не желая надевать маску, которая требовалась для посторонних, даже для самых близких подруг. Ни рядом с Несси, ни рядом с Сашей она не смогла бы расслабиться, и ей хотелось побыть наедине с Ники. Кто знает, может быть, его душа слетит к могиле и сможет с Дашей поговорить. Абсолютно бредовое предположение, но все равно – посторонние тут ни к чему.

Даша воздержалась от традиций, и на сорок дней не собирались. Зачем ворошить пепел давно угасшего костра? Все равно горящих угольев там нет. Зачем беречь душу, слушать прокисшие речи, неискренние соболезнования? У людей короткая память. Конечно, часть их слов будет искренней, но от этого не легче. Дарья не собиралась делать из Ники алтарь. Ей незачем было устраивать сборища, чтобы помнить мужа: она и так его никогда не забудет.

Даша купила для Ники огромный букет бледно-желтых астр – эти осенние цветы продавались сейчас на всех углах. Она не стала считать их, какая разница, четное или нечетное количество цветов она положит на могилу. Дело ведь совсем не в этом. Можно было вообще не покупать цветы, если уж ломаешь традиции, но при виде астр Даша не устояла. Цветы

пахли свежестью и осенью. Пока Дарья шла к могиле Ники через кладбище, клены роняли ей желтые и красные листья под ноги. Субботнее утро выдалось красивое, как на картинке.

Естественно, кладбище не пустовало: кто-то приводил в порядок памятники родным, кто-то прикрывал могилу еловыми ветками, чтобы растущие на ней цветы хорошо перенесли зиму. Даша представила, каково это: лежать в земле, а над тобой растут цветы... Могилка Ники была завалена изрядно поблекшими венками, никто так и не удосужился убрать их, хотя памятник поставили: об этом позаботилась перед отъездом Софья Станиславовна, за что Даша была ей глубоко благодарна. Сама она бы просто не смогла это сделать. А теперь с серого гранита на нее взглянули веселые глаза Ники: для гравировки использовали тот же портрет, что висел у Даши в спальне.

Пришлось разгрести венки, отнести их на ближайшую кладбищенскую свалку – в мусорную кучу их, эти стандартные соболезнования! Физическая работа Дарью даже обрадовала. Она таскала колючие венки и старалась ни о чем не думать. Солнышко припекало: Москву посетило бабье лето. Колючие ветки... Колючий... Вспомнив шутовское прозвище мужа, Даша тяжело вздохнула. Господи, привыкнет ли она когда-нибудь к тому, что Ники больше нет?

У нее накопилось так много слов, которые можно было сказать только ему, но он уже не услышит. Главное, не уйти

в воспоминания полностью, как та женщина в клинике, Лидия. Это грозит потерей рассудка, а сходить с ума Даша не желала. Расчистив могилу, она положила на нее астры. Цветы легли ярким пятном на еще не поросший травой могильный холмик.

Почему-то Даше казалось, что приди она сюда – и станет легче, будто извлечет занозу. Но легче не стало. Может быть, стоит поговорить с Ники? Но как разговаривать с гранитом? Это само по себе абсурдно. Тем не менее, Дарья попыталась.

– Привет, Ники. Вот, я пришла... – начала она, чувствуя себя полной идиоткой. Огляделась – никого вроде поблизости нет – и продолжила: – Я по тебе соскучилась...

Что еще сказать, она не знала. Вернее, она не знала, как сказать это холодному камню и гробу в двух метрах под землей. Ники тут нет, а именно с ним хочется поговорить, не с вещами. Даша зажмурилась и съежилась на скамейке, позволив себе на несколько минут представить, что сейчас на плечо опустится рука, и Ники скажет...

– Вам плохо?

Рука, действительно, легла на плечо, и Дарья обернулась, испуганно вскрикнув. Конечно же, это был не Ники. Мужчина лет тридцати пяти, с вьющимися волосами, собранными в хвост, в дорогом сером пальто.

– Из-звините. Вы меня напугали, – объяснила Дарья. Зубы стучали.

– Прошу прощения, – смущенно улыбнулся незнакомец, –

я шел мимо и увидел вас. Вы сидели, так странно согнувшись... Я подумал, вдруг вам плохо, и я смогу вам чем-то помочь.

Даша молчала, не зная, что ему ответить. «Да, мне хуже всех»? Наверняка примется утешать. «Нет, мне хорошо»? Это откровенная ложь. Наконец, она выдавила нейтральное:

– Спасибо за заботу.

– Еще раз извините. – Он виновато кивнул, повернулся и ушел, бросив напоследок на Дашу странный взгляд. Принял за сумасшедшую? Наверное, нет. Неразумно ожидать от женщины, сидящей у могилы на кладбище, совсем уж адекватного поведения.

Разговора с Ники не состоялось, и ничего не изменилось. Дарья была дезориентирована. Работа – это спасение, но на какой срок хватит этой дозы? Или со временем боль притупится? Говорят, время лечит, раны затягиваются. А Саша уже сказала вчера эту сакраментальную фразу: «Надо жить дальше». Но как – дальше? Лабиринт, в котором можно бегать кругами сколь угодно долго и не найти выхода.

– Спасибо, Полина Геннадьевна.

– Дашенька, ты уверена, что мне не стоит остаться?

– Уверена. Я отлично справлюсь одна.

– Ну хорошо. Отдохни, выспись. Я приду завтра с утра.

Такой разговор происходил теперь каждый вечер: домработница интересовалась, не остаться ли ей, и в двух случаях

из трех Даша ее отпускала. Все, пора завязывать с надуманными кошмарами. Ничего с ней не случится в родном доме, в стенах, знакомых до последнего цветочка на обоях. Привидений не существует, шебуршунчиков под кроватью тоже, повымерли еще в детстве все до последнего. А на случай воров – что маловероятно в охраняемом жилом комплексе – в квартире есть кнопка тревоги и грозный Хуф, который своих любит, а вот чужих не преминет, по меньшей мере, облаять. По складчатой морде не каждый прочтет сразу, что этот зверь никого не укусит и родную маму продаст за ломоть шарлотки. Хотя, конечно, родную маму Хуф не помнил. Но если мог бы, то обязательно продал за вкусность, такова уж его эгоистическая шарпейская натура.

В квартире стояла тишина, но с некоторых пор Дарья не любила тишину. Поэтому она включила телевизор в гостиной – по ОРТ как раз шли новости – а сама прошла в кабинет Ники и включила компьютер. Можно посидеть в интернете, почитать анекдоты или смешные истории. В последнее время Даша часто засиживалась в интернете за полночь, что-то сны стали сниться совсем уж плохие. Обычный кошмар начинался с того, что ей нужно зачем-то переплыть глухое лесное озеро, она заходит в воду, делает несколько гребков, и застревает, как муха в киселе. Черная глубина тянет, и сколько ни барахтайся, все равно никуда не уйдешь... После кошмаров Дарья просыпалась с бешено колотящимся сердцем. Кто бы изобрел таблетку для сна без сновидений, или

была бы на человеке такая кнопочка: отключил, и все, не работает человек до следующего утра. А еще можно к электросети подсоединиться и еду засовывать в шкафчик на животе, ага. Здравствуй, научная фантастика, колыбель несбыточных мечтаний.

Анекдоты сегодня попадались сплошь пошлые, и Даша принялась листать рассылки. Ей на e-майл приходило много разных: афоризмы, цитаты, новости книжного бизнеса. Пора, кстати, вплотную заняться открытием филиалов, это дело не на один день, займет ее надолго. И найти надежного человека, который будет этим заниматься. Галина очень уж сушенная – ну просто вобла. Хотя работник она, конечно, ценный.

Даша вздохнула и закрыла почтовую программу. Хуф, растянувшийся у ног хозяйки, задрыгал задней ногой и протяжно вздохнул – возжелал, чтобы почесали пузико. Почесывая млеющую собаку, Дарья подумала, что среди присланных сегодня по рассылке рецептов не было одного, самого главного сейчас для нее: как жить без любимого человека?

Ответ на этот вопрос общим быть не может – по определению. Классическая литература тут не поможет: уже вспоминавшаяся Даше Джульетта заколола себя кинжалом, Анна Каренина от безысходности бросилась под поезд, Офелия сошла с ума. Ни один из этих вариантов уже не кажется привлекательным, да и раньше Дарья действовала в состоянии аффекта, если можно так выразиться. По классике вы-

ходит, если ты любишь человека очень сильно, то жизнь без него тебе не мила. В чем же универсальный рецепт, и есть ли он вообще? Надо жить дальше. Даша, безусловно, хотела жить, но в чем же заключается притягательность жизни лично для нее? Только работа, домашние животные, подружки, мама? Уже немало пунктов, однако в этом ли прелесть жизни? Эти причины ничего не весили в тот день, когда Даша едва не выпила снотворное. Проснулся страх смерти? Но и через него легко перешагнуть. Столько вопросов без ответов, просто голова кругом идет. И главное – без Ники исчезла цель. Раньше целью была семья, уже потом – работа. Подмена одной цели другой была фальшивкой. Есть женщины, созданные для работы, а есть – созданные для любви, любила говаривать Софья Станиславовна. Даша всегда полагала себя промежуточным вариантом, но смерть Ники все расставила по своим местам. Гори она синим пламенем, эта работа, лишь бы Николай был жив. Это невозможно, и гореть синим пламенем приходится Даше.

Можно, конечно, ждать, пока все решится само собой. Плыть по течению. Наверное, тогда сработает эффект времени, боль действительно притупится, Даша привыкнет к одиночеству – потому что вряд ли она полюбит кого-то так же, как Ники, вряд ли еще раз выйдет замуж. Семи лет с любимым супругом хватило, чтобы Дарья поняла: кажется, она однолюбка. Ну что ж, не она первая, не она последняя. Можно кричать во весь голос хоть все дни напролет, крик ничего

не изменит. Миру наплевать на твою боль, все одиноки, как и ты, в этом обмане, что называется обществом. Это фикция, что ты *не одна*. Даша осознавала это сейчас с убийственной ясностью.

Четыре извечных русских вопроса: «Что делать?», «Кто виноват?», «Едят ли курицу руками?» и «Где второй носок?». Даша улыбнулась, вспомнив любимую шутку Ники. Мемуары, что ли, сесть писать? Память – слишком хрупкая вещь, что-то забудется, драгоценные моменты будут безвозвратно утеряны, а так не хочется их терять. Но с другой стороны, не отодвинет ли это избавление от боли? Помнить Ники Даша будет и так, боль – не слишком нужный фактор в ее дальнейшем существовании. За прошедшие месяцы Даша устала от боли.

Повинуясь внезапному порыву, Дарья встала и направилась в спальню, где в тумбочке хранились те ее сокровища, на которые воры точно бы не позарились. Напоминая себе булгаковскую Маргариту, сидящую в дальней комнате и разглядывающую обгоревшую страницу с магическими словами о древнем городе Ершалаиме, Даша достала из нижнего ящика старую тетрадь в темно-зеленой обложке. В этой тетрадке были собраны стихи, которые Ники сочинял для нее в период ухаживания, да и потом частенько дарил – просто так, когда просыпалось поэтическое вдохновение. Дарья считала это ужасно романтичным, сама-то она не обладала талантами подобного рода и двух строчек срифмовать не

могла. Вирши Ники не претендовали на место в высокой поэзии, но временами попадались очень даже ничего. К тому же, они были подарены ей, Даше, от всей души, а значит, уже являлись для нее гениальными. Погладив страницы, Дарья нашла свое любимое стихотворение – пожалуй, это было лучшее сочинение Ники.

*...Ведь ты не такая, какой ты приходишь ко мне.
Не спишь по ночам, куришь, пьешь остывающий чай.
Все строки – не больше, чем зимний узор на окне,
Рисунок, возникший из небытия, невзначай.
В тебе очень много неведомых маленьких черт,
А я – я увижу лишь смутные эти черты,
И что-то додумаю, что-то упрячу в конверт,
На марке которого мной нарисована ты.
Я – глупый художник. Я верю в себя и в постель,
В сплетение слов и неброскую прелесть идей.
Но там, где я вижу сосну, может вырасти ель,
А я не замечу.
Я просто рисую людей.*

Это была странная фантазия Ники, такой ему, как он объяснял, однажды приснилась Даша и сопутствующее этому сну настроение. Но ей всегда казалось, что здесь упрятано гораздо больше, чем муж ей рассказал. Иногда даже мерещилось, что эти стихи – не ей и не о ней, ведь она никогда, например, не курила. Но Дарья отгоняла дурацкие мысли: Ники написал стихи для нее и подарил. Мужчины иногда видят

женщин в странном свете, даже любимых жен. А уж поэты тем более.

Все остальные творения Ники и рядом с этим не стояли, отличались прозаичностью и банальностью метафор, но Даша никогда не стала бы их судить, по указанным выше причинам. Для нее они все были прекрасны. Господи, как хорошо, что от ее брака с Ники остались лишь прекрасные воспоминания. Можно попробовать утешиться этим. Если получится.

...В ту ночь Даше приснилось, что она выходит замуж за Ники. Горят свечи, звучат торжественные слова клятвы. Даша поворачивается, чтобы жених поцеловал ее, Ники улыбается ей... А глаз у него нет.

Глава 12

Нет ничего проще, чем сказать себе:

– С этого дня я буду жить по-другому.

Гораздо труднее начать новую жизнь.

Вчера ночью, после пробуждения от жуткого сна, Даша приняла решение: она попытается наладить свою жизнь без Ники. Звучит по-прежнему очень страшно, но уже не абсурдно, и то прогресс. Она всегда будет любить погибшего мужа, никогда не выйдет снова замуж – мысль о повторном браке внушала отвращение, – но хоронить себя заживо тоже не годится. В конце концов, она живет в обществе, имеет обязательства, и все еще живая сама, хотя в течение этих месяцев напоминала всем окружающим ходячий труп. Аппетит не появился, многое из того, что трогало раньше, теперь оставляло равнодушной, но хотя бы себе самой было дано обещание жить дальше – а это уже немало.

По-прежнему не хотелось общества, и Даша редко отвечала на телефонные звонки и электронные письма. Она закольцевала свои дни: дом-работа-дом. На службе было немало дел, приближалась осенняя книжная ярмарка, и Дарья старалась оставить как можно меньше места для мыслей, страшных снов, размышлений о будущем. Все как-нибудь само устроится. Как-нибудь. Когда звонила мама, Даша умудрялась выдавать в трубку нечто бодрое и возвышенное,

чем только раззадоривала любопытство и подозрения Софьи Станиславовны. Впрочем, матушка общалась и с Полиной Геннадьевной, так что реальное положение вещей ей было известно.

– Дашка, мне невыносимо смотреть, как ты занимаешься самообманом, – заявила Инесса в один из погожих сентябрьских дней. Сентябрь заканчивался, скоро середина осени, уже! Как быстро летит время. Как хорошо, что оно так быстро летит... Годы до старости пройдут, словно минуты. *«И было ей семьдесят шесть, когда ее самой не стало. Нет, не страшила ее смерть, скорей, она о ней мечтала. Бывало, знаете ли, сядет у окна и смотрит, смотрит, смотрит в небо синее – дескать, когда умру, я встречу его там, и вновь тогда он назовет меня по имени...»* – внезапно ворвалась в мысли «Лучшая песня о любви». Даша не сразу сообразила, что Инесса что-то от нее хочет.

– Прости, что ты сказала?

Они сидели в небольшом кафе за ленчем. Несси удалось сегодня закончить все дела пораньше, Даша тоже ушла из офиса, не задерживаясь, и теперь подруги пили кофе и обменивались новостями. Вернее, новости выкладывала Инесса, а Даша делала вид, что ее страшно интересуют внутриведомственные интриги в «Метрополии». Свою часть прибыли она исправно получала на счет, остальное ее не касалось. Несси, кстати, никогда не утруждала себя выслушиванием новостей о «Всезнайке» – считала торговлю детской литера-

турой прихотью Дарьи, а не серьезным бизнесом.

– Самообман, – немного раздраженно повторила Инесса. – Ты занимаешься самообманом.

– И в чем я обманываю себя?

– Во всем. Пытаешься заменить Ники работой. По мне, так лучше бы завела себе резинового мужика. – Несси отхлебнула латте.

Даша засмеялась.

– Иногда твой цинизм – это... нечто отрезвляющее. Но не сегодня. Зачем мне резиновый мужик?

– Ты меня не путай. Я же вижу, ты с работой так трахаешься, потому что...

– Боже, какие некультурные слова, – поморщилась Дарья. – Правда, Несси, давай закончим этот разговор.

– Я же тебе помочь пытаюсь! – простонала Инесса. – Вернуть тебя на путь истинный!

– А где он, мой истинный путь? Ты знаешь? Я – нет.

– Ну, утопать в работе не годится, согласна? Рано или поздно все дела будут сделаны, и вот тогда ты окажешься в тупике, дорогая! – Инесса ткнула в Дашу пальцем, словно указкой. – Давай сходим на пару вечеринок, я познакомлю тебя с интересными людьми...

– Спасибо за предложение, но я, правда, не хочу.

– Так и будешь до конца жизни сидеть в квартире?

– А что? Это мой собственный выбор, если уж на то пошло. – Даша почувствовала, что начинает болеть голова,

голос подруги царапал мозг, как острые когти.

– Перевыбери.

– Зачем? Мне нравится и так.

Несси скривилась.

– Похоронила себя заживо. Не квартира, а склеп какой-то.

Если не хочешь из дому выходить, тогда переезжай. Или ремонт затей. Говорят, ремонт – адекватная замена личной жизни.

– Нет, переезжать я не буду, и в квартире менять ничего не хочу. Я в ней была счастлива, пусть все так и остается. Инесс, ну что ты пристала? – Настойчивость подруги начала раздражать.

– Да просто убивает меня это, сидишь дома, никуда не выйдешь.

– Я не одна, я с Хуфом и Федькой. И с Полиной Геннадьевной.

– Да уж, цербер, а не домработница. Дашка, у нее уже внуки! Ей поздно ходить на рауты, а тебе в самый раз.

– Может быть, когда-нибудь, – туманно пообещала Дарья, только чтобы отвязаться.

Сама она не видела в своем поведении ничего предосудительного. Сидит по вечерам дома, ну и что? Зато кучу новых интересных книжек прочитала, фильмов пересмотрела море. Но Несси надо отдать должное – беспокоится о ней, в своем стиле, конечно, но беспокоится ведь!

– Или поехала бы куда-нибудь отдохнуть, – гнула свою ли-

нию подруга.

– Нет, спасибо! – Даша передернула плечами. – У меня при слове «отпуск» нервный тик начинается.

– Ладно, об этом потом. Хочешь, анекдот расскажу? Сегодня прислали. – И, не дожидаясь согласия, Инесса начала рассказывать: – Поймал мужик золотую рыбку, и говорит она ему человеческим голосом: «Выполню любое твоё желание, только отпусти меня!» – «Хорошо, – говорит мужик, – хочу, чтобы был мир во всем мире!» – «Нет, это слишком сложно, сам понимаешь! Попробуй другое!» – «Ладно, тогда сделай мою жену красавицей!» – «А фотография есть? Покажи». Мужик достает фото, показывает. Рыбка долго-долго смотрит на карточку, а потом говорит: «М-да, мужик... Так что ты там говорил про мир во всем мире?»

Даша послушно засмеялась, хотя этот анекдот уже слышала, но прерывать Несси было бы невежливо. Если бы ей, Дарье, попалась такая золотая рыбка, желание было бы одно – несложно догадаться, какое...

Ночами ей очень не хватало рук Ники, его прикосновений, хотелось ощущать рядом мужа, иметь возможность вернуться к нему, поцеловать, поговорить, заняться любовью. Ночами было очень холодно, хотя батареи работали на всю мощность, а пуховое одеяло было специально создано для таких ночей.

– Ну вот, ты опять впала в меланхолию, – покачала головой Инесса. – Просто беда какая-то. Ты что, о нем никогда

не забываешь?

– Ни на секунду.

Это была правда, или почти правда. Иногда, занимаясь делами в офисе, Даша отвлекалась ненадолго, но вскоре ее будто иголкой кололи – и она вспоминала. Дома же память не отпускала никогда. Ники, Ники, Ники...

– С другой стороны, счастливая ты, Дашка! – неожиданно заявила Инесса.

– Да уж, безбрежное счастье – потерять мужа после семи лет удачного брака! – Даша даже растерялась.

– Зато у тебя есть ориентиры. Ты точно знаешь, кого любишь и кто тебе нужен, и была уверена в преданности Ники. Немногие могут этим похвастаться.

– Ничего себе повод похвастаться! – Дарья была ошеломлена. – Знаешь, с моей точки зрения все видится несколько по-другому...

– Ну, твоя точка зрения в данный момент не рассматривается, – махнула рукой Инесса. – Понятно, что ты не можешь забыть Николая, но, возможно, мысль о завидности твоей доли тебя несколько утешит.

– Несси, это полный абсурд! С любой точки зрения, – возмутилась Даша.

– Как знаешь. Но вот я бы дорого заплатила за спокойное счастье с любимым человеком. За законный брак с ним... – Инесса вдруг замолчала, словно прислушиваясь к чему-то слышному только ей одной.

– У тебя что, кто-то новый появился? – О своих кавалерах Инесса всегда рассказывала неохотно, не любила, когда лезут в ее личную жизнь. Тут Даша могла ее понять: она сама не сказать, чтобы изливала подругам душу, повествуя о семейной жизни с Ники. У каждого свои отношения, которые не стоит выносить на публику, полоскание грязного и чистого белья еще никому не делало чести. Тут их с Несси мнения совпадали. Поэтому о смене ее ухажеров Дарья узнавала только через месяц после того, как Инесса начинала встречаться со следующим мужчиной. Но никого из ее любовников Даша никогда не видела: то ли Несси боялась конкуренции, памятуя историю с Николаем, то ли просто была отчаянной собственницей.

– Новый... можно сказать, что немного новый, хотя старый, – неожиданно развеселилась Инесса.

– И он женат?

– Да, но это не проблема.

– Тогда на что ты жалуешься? – уточнила Даша.

– Я не жалуюсь, я просто слегка завидую. Меня никогда не посещали такие... неземные чувства по отношению к банальному земному мужику.

– Ники не был банальным. Он особенный.

– Конечно, конечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.